

Литературный факт.
2021. № 1 (19)

Literaturny fakt [Literary Fact],
no. 1 (19), 2021

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-61-107>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Переписка З.Н. Гиппиус с Ф.А. Червинским

© 2021, А.Л. Соболев

Москва, Россия

Аннотация: В публикации представлены 33 письма З.Н. Гиппиус 1890-х гг. к литератору, поэту и драматургу, петербургскому юристу Ф.А. Червинскому. Кратковременный роман Гиппиус с Червинским, как это бывало и в случаях других сердечных увлечений писательницы, спровоцировал ее на интенсивный эпистолярный диалог, избегающий, однако, прямого высказывания и авторефлексии чувств. В письмах Гиппиус доминирует игра и легкое кокетство, полное намеков и провокаций, а сам жизненный роман выстраивается ею как напряженный психологический эксперимент. Их отношения 1892–1893 гг. нашли отражение в художественных произведениях обоих участников: в сказке Гиппиус «Время», в рассказе Червинского «Сильфида», типичных образцах модернистского взаимопреломления литературы и жизни. Одновременно письма интересны общааемыми в них деталями литературных событий, характеристиками целого ряда современных писателей — Н. Минского, Д. Мережковского, А.П. Чехова и других общих знакомых корреспондентов.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com.

Ключевые слова: биография писателя; литературная жизнь; З. Гиппиус; Д. Мережковский; жизнетворчество модернизма; письма; публикация архивных документов.

Для цитирования: *Соболев А.Л.* Переписка З.Н. Гиппиус с Ф.А. Червинским // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 61–107. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-61-107>

«Очень далеко, на севере, жила принцесса, которую звали Белая Сирень»¹, — так начинается сказка, написанная Гиппиус после болезненного разрыва с писателем Федором Алексеевичем Червинским (1864–1917)². В этом тексте будут зашифрованы (впрочем, достаточ-

¹ [З, т. 1, с. 445]. О связи сказки с пережитой историей Гиппиус писала Червинскому в недатированном письме (№ 30 по нашей нумерации).

² О Червинском см.: [16; 18, с. 997–999].

но прозрачно) обстоятельства их отношений: сама Гиппиус отвела себе роль правительницы сиреневой страны, сделав своего недолгого возлюбленного прототипом сына старого министра по имени Челава. Описан он в сказке не слишком комплиментарно: «Судьба отказала ему в знатном имени, не наделила талантами и даже красотой; но Челава думал, и не ошибался, что и при его доле талантов и красоты можно недурно устроиться» [3, т. 1, с. 458]. И далее: «Челава, несмотря на свой нежный возраст, был уже толст, широколиц, но при этом бледен чрезвычайно и с нездоровой кровью» [3, т. 1, с. 458–459]. Заканчивается их роман с отъездом Челава в морское путешествие, несмотря на уговоры принцессы, которая, заболев, умирает.

Не менее узнаваемым вышел и ответный образ: в рассказе Червинского «Сильфида» главная героиня, петербургская художница Валентина Ниловна Чибисова, несет черты явного портретного сходства с Гиппиус: «худощавая блондинка с длинною пепельною косою, зеленоватыми глазами и тонкими бледными губами»³. Еще больше подобия с прототипом в ее речах и поведении, хотя и изображенных несколько карикатурно: на протяжении рассказа она будет стараться увлечь всех попадающихся лиц мужского пола, очаровывая их и ошеломляя своей загадочностью (персонаж-свидетель утверждал, что «на нее кто ни взглянет, тот и зачахнет от любви»⁴). В одном из монологов она сообщает своей очередной жертве: «А впрочем, я замуж не собираюсь. Это так банально — любовь, замужество... и даже измена. Я хочу чего-то иного, — того, что лучше и чище... хочу необычного. Но, да вы не поймете меня — все равно»⁵. Это почти дословная цитата из интимного дневника Гиппиус, с которым Червинский был знаком⁶: на излете их романа, весной 1893 г., она записывала: «Да, верю в любовь, как в силу великую, как в чудо зем-

³ Живописное обозрение. 1899. № 42. С. 331.

⁴ Там же.

⁵ Живописное обозрение. 1899. № 42. С. 355. По этой реплике прототип был отгадан каким-то проницательным современником или потомком: в экземпляре РГБ пассаж отчеркнут карандашом и на полях написано: «Гиппиус» (впрочем, по новой орфографии). Черты Гиппиус явно отразились и в образе Нины Александровны Басмановой, героини романа Червинского «Пустоцвет» (см. примеч. 1 к п. 18).

⁶ В дневниковой записи от 22 сентября 1893 г. Гиппиус упоминает, что обещала вернуть Червинскому все его письма [3, т. 8, с. 38]. В действительности у нее в бумагах осталось два письма (возможно, их фрагменты, поскольку оба — без дат и обращения). Одно из них как раз содержит впечатление от прочитанных «Contes d'amour» (или его не дошедшего до наших дней предшественника): «Если вы захотите погубить какое-нибудь создание Божье (менее дикое и живучее, чем я), дайте, дайте ему свой дневник, это будет дьявольски-верный расчет.

Скорее берите их наконец, Ваши афоризмы, ваши скорби, и жажды, и ныряния в души — свою и чужие — берите эти пестрые страницы с их правдой, поэзией и ложью. А то я надолго останусь в тумане, в каковом пребываю с танцев <?>».

ли. Верю, но знаю, что чуда нет и не будет. <...> Хочу того, чего не бывает. Хочу освобождения...» [3, т. 8, с. 32]. Позже рассказ «Сильфида» был переделан в пьесу (оставшуюся неопубликованной), где биографические акценты расставлены еще ярче: художник, бывший в рассказе проходным персонажем, здесь приобретает функции резонера и упрекает героиню: «Вы очень любите себя, немножко — искусство. Всегда вы на себя смотрите со стороны, даже в горькие минуты. Вы можете почувствовать мгновенную нежность к человеку, полюбившему вас, за то, что он вас оценил. Но не большую нежность — и ненадолго — потому что всегда вам будет казаться, что он недостаточно оценил вас. А любить... так — простою и глубокою любовью, как все простые смертные... Это вы не можете»⁷. Вскоре после этой встречи художник, провожаемый завистливыми взглядами Валентины Ниловны, убывает в Рим, а сама сильфида выходит замуж за купца, взяв с него клятвенное обещание после свадьбы не скупиться.

В посюстороннем мире канва их отношений выглядит немногим сложнее. Хотя Червинский был знаком с Мережковским еще с первой половины 1880-х годов⁸, с Гиппиус они впервые увиделись несколько лет спустя, в 1891-м [16, с. 614]. Впечатление, произведенное ею на нового знакомого, было настолько велико, что тот попросил разъяснений у своего товарища и кумира, А.П. Чехова: «Еще одна просьба — очень большая: Вы бывали у Мережковских; будьте добры скажите мне под величайшим секретом, что Вы думаете о Мме Мережковской. Охарактеризуйте ее так, как Вы характеризуете иногда действ<ующих> лиц Ваших рассказов — сжато, ярко и с полнейшей откровенностью. Только не отговаривайтесь, что совсем ее не знаете

Кстати — касается Вы прошлого, будущего, настоящего — всюду и везде замыкаетесь на Минском. Многие упорхнули или упорхнут еще из Вашего нарочито настроенного воображения, а он, М., как ни дуйте, не шелохнется, ибо тяжел как дядя Пуз. Именно в силу этого Вы вечно будете спотыкаться на него. И я все-таки понимаю и торжествую, что Минск., Ч. и пр. — одна сотая вас, но не думайте, что я не угадывал этого раньше. Я жалею теперь, что зачеркивал кое-что в последних письмах и не послал длиннейшего — не потому что “обнимал новый угол” своей души и говорил неожиданным для Вас языком (о, не думайте, что романтическим, не то), а потому что до дневника угадал многое. А теперь Вы не поверите» (РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 4–4 об.). Упомянутые здесь лица и положения комментируются далее. Под литерой «Ч.» Червинский мог подразумевать и себя самого, и А.П. Чехова. О влюбленности Гиппиус в последнего он рассуждал во втором из сохранившихся писем (Там же. Л. 1).

⁷ РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 41.

⁸ Ср. в его письме к С.Я. Надсону от 21 января (?) 1884 г.: «Червинского также что-то не видно» [8, с. 189]. Они могли познакомиться в университете (Червинский окончил юридический факультет в 1889, Мережковский — историко-филологический в 1888-м).

и пр.: не поверю. Не думайте, что я подвох устраиваю — я ей богу порядочный человек»⁹.

Первые письма Гиппиус к Червинскому (ответные практически не сохранились) написаны в типичной и узнаваемой манере полужутливого полукокетства: такова большая часть ее эпистолярных диалогов 1890-х, а отчасти и более поздних годов. Главное исключение — ее письма к Н.М. Минскому¹⁰, в которых с самого начала (по крайней мере — в сохранившейся и известной нам части) был взят глубоко интимный тон. Многолетний их с Минским роман (насколько это несвежее слово применимо по отношению к любовным практикам Гиппиус) станет фоном для короткой вспышки чувств Гиппиус и Червинского. Для того чтобы разобраться в происходящем, ей понадобилось сделать несколько хроникальных записей в дневнике «Contes d'amour», который, собственно, и был начат в связи с образовавшейся коллизией «треугольника». Согласно этим записям, отсчет новому этапу диалога с Червинским начался осенью 1892 г.:

«Этой зимой, 17 ноября, мы долго рассуждали о любви. Я думала: “Нет, я не во всякого могу влюбиться. До чего с этим безнадежно”.

“Я мог бы полюбить вас только, если бы отнеслись ко мне... Но я вас боюсь”. Я смеялась.

— Да я уж влюблена в вас!

Он поцеловал кончик моих волос, увлечен не был, но я почувствовала, что *могу*...

Письма, неуверенность, неопределенность, моя полуправда, игра... Два месяца. В жестах неоскорбительный, допоцелуйный прогресс. Это ничего» [3, т. 8, с. 31].

Эта любовная история закончилась ровно четыре месяца спустя, вечером 17-го марта, когда Гиппиус вызвала Червинского для решительного объяснения — и на волне эмоций после случившегося разрыва через два дня написала знаменитую впоследствии «Песню» («Окошко мое высоко над землею...»). Формальные их отношения продолжались и далее, хотя, кажется, Червинский был опален месяцами их накала значительно, чем Гиппиус: впрочем, в беседах с третьими лицами он старался держаться при упоминаниях о ней на смешливого тона: «М-ме Мережковскую встретил как-то в “Лит. Общ<ест>ве”. Она долго очаровывала меня и обещала посвятить мне свои “Зеркала”, “Златоцветы” и прочие перлы, с которыми я за недо-

⁹ Недатированное письмо // РГБ. Ф. 331. Карт. 62. Ед. хр. 10. Л. 6 об.

¹⁰ Опубликовано: [7, с. 108–397], вступительная статья, примечания С.В. Сапожкова; составление и подготовка текстов А.В. Сысоевой и С.В. Сапожкова.

сугом еще не ознакомился. Муж ее гудит на всех перекрестках, что пишет какую-то трилогию и что это будет очень хорошо»¹¹. Позже он и вовсе отошел от литературы — так, что посылая фельетон старому знакомому в надежде (кажется, неисполнившейся) на публикацию, добавлял: «Стихов пишу мало. “Где уж! Что уж!” как говорит старушка у Островского. Рассказы пишу — впрочем редко»¹².

Три главные любовные истории Гиппиус 1890-х — с Волынским, Минским и обсуждаемая, развивались по очень похожим сценариям: ее фундаментальная литературоцентричность превращала любой роман в эпистолярный и делала главным фактом отношений отправленное или хотя бы написанное письмо. Эта манера сохранилась у нее и в дальнейшем: например, в диалоге с Д.В. Философовым у Гиппиус были письма в продолжение разговора, письма взамен разговора, письма, подsunутые под дверь соседней комнаты и отправленные из одного гостиничного номера в другой. Но само это отношение к письму как к субституту любовной встречи зарождалось еще в 1890-е, причем, вероятно, прежде всего в отношениях с Червинским. Именно по его поводу она записывает в дневнике свидетельство на этот счет: «О, эти мои письма! О, как они меня жгут, каждое, даже невинное, не содержанием, а самим фактом! <...> Люблю свои письма, ценю их и отсылаю, точно маленьких, беспомощных детей под холодные, непонимающие взоры. Я никогда не лгу в письмах. Никто не знает, какой кусок мяса — мои письма! Какой редкий дар» [3, т. 8, с. 37]. Благодаря сочетанию счастливых обстоятельств этот дар можно оценить: письма Гиппиус к Червинскому, хотя и рассеяны между несколькими архивными фондами, сохранились если и не целиком, то, как минимум, в составе, близком к исходному.

Письма приводятся полностью, без изъятий, по современной орфографии. Мы соблюдаем важное для Гиппиус различие «Вы» и «вы» в обращении к собеседнику в зависимости от степени приязни к нему. Обоснования датировки (которой большая часть корпуса изначально лишена) излагаются в комментариях. Пользуемся случаем принести глубокую благодарность М.М. Павловой, Л.И. Соболеву и Н.Н. Соболевой за помощь.

¹¹ Недатированное письмо Червинского к А.П. Чехову // РГБ. Ф. 331. Карт. 62. Ед. хр. 10. Л. 14 об. «Зеркала» — рассказ Гиппиус (впервые: Северный вестник. 1896. № 11. С. 1–47). «Златоцвет» — роман (впервые: Северный вестник. 1896. № 3–4). Первый роман исторической трилогии Мережковского начал публиковаться в 1895 г.

¹² Письмо к П.В. Быкову от 3 января 1908 г. // РНБ. Ф. 118. Ед. хр. 909. Л. 1 об. Цитируется пьеса «Волки и овцы».

1. 17/29 апреля 1891. Неаполь.

Неаполь, 17 апреля (ст. стиль) 91 г.

Пишу Вам, Федор Алексеевич, (воображаю при этом ваше изумление) пишу вам, погруженная в разные горести. Во-первых — с отчизны ни звука; все забыли о моем существовании, не получаю ни от кого ни единой строки. Не удивлюсь, если и вы мне не ответите — только разве скажу с горечью: и ты, Брут! Хотя вы для меня скорее что угодно, чем Брут, но я все-таки скажу это, ибо полна Римом и его воспоминаниями¹. Были вы когда-нибудь там? Если нет — то советую немедля написать семь или восемь комедий, уложить свои чемоданы, отправить рукописи Глинскому² и, получив соответственный гонорар, лететь на Варшавскую дорогу³. Посмотрим, будете ли вы меня упрекать!

Если же Рим уже видел вас в своих стенах — то мой совет бесполезен: вы и без него вернетесь туда сейчас же по написании семи комедий.

Неаполь я еще не видала; мы приехали только вчера — сегодня идет дождь, море серое, как лужа — и у меня лихорадка. Из окна вид довольно банальный, bello Napoli похож на Ялту, но хуже, потому что слишком расплылся. Красота — во всем и везде одна, здесь — как в литературе: нужна гармония, сжатость и, главное, чувство меры (а это не то, что сжатость).

Пока у меня есть только два города: Венеция и Рим, оба разные, но оба прекрасные; хотя Венеция мила, а Рим — велик. Я знаю, вы боитесь громких слов, сейчас же стараетесь улыбнуться насмешливо и перейти к шуткам, но я повторю, что Рим — велик, и нет слов достаточно громких для него, и я им проникнута до последних пределов!

Мне кажется, что здесь даже ваша скептическая льдина (которая у вас вместо сердца) растает: вы поймете и привяжетесь к Риму; даже, может быть, позабыв свой страх и нелюбовь к женскому полу — серьезно влюбитесь в Венеру Медичейскую⁴. Если же вы уже были здесь и остались равнодушны... нет, это невероятно.

Распространяться о Рафаэле и Микель-Анджело было бы глупо, а я делаю достаточно бессознательных глупостей, чтобы прибавлять к ним еще сознательные. Это надо видеть. Никто, даже Гете (помните его «Письма из Италии»?) не смог нам рассказать о прекрасном. Я дала обет молчания.

Поведаю вам лучше наши непрерывные бедствия. Мы наслаждаемся наперекор судьбе, которая нас преследует. Стоит нам предпринять прогулку — начинается проливной дождь; в одном монастыре я безнадежно влюбилась в францисканского монаха; в Ассизи я вывихнула ногу; по дороге в Фолиньо у нас разбился экипаж и околела (?) лошадь; здесь у меня лихорадка и, наконец, в Риме нас... взорвало!! Не совсем нас, а 265 тысяч килограммов пороху, но это все равно. Лопнули все стекла в Риме, у нас закачало потолок, упало зеркало и развалился камин. Все выбежали полураздетые, думая что это землетрясение и ожидая второго удара⁵. Нету места, а второго листа мне жаль, ибо я не уверена, ответите ли вы. На всякий случай — адрес мой — Сорренто, *poste restante*, Merezjkowsky. Когда увидите Варвару Леонидовну, Варвару Андреевну и Тихона Ивановича⁶ — не будьте ленивы (я вас знаю) и передайте им мой привет. Потрудитесь для меня хоть раз.

Зин. Мережковская.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1–2 об.

¹ Письмо написано из крайней южной точки первого итальянского путешествия Гиппиус и Мережковского, предпринятого ими в марте–апреле 1891 г. В мемуарах Гиппиус вспоминала: «Но вот — весной 1891 г. — наша первая поездка за границу, — в Италию, конечно. Смешно сказать, с какими капиталами мы пустились в путь! Мне самой не верится! У нас было скоплено на это — 400 рублей. По тогдашнему курсу — около 1200 франков. Но это нас не смутило, все ведь так дешево. Через Варшаву (где у меня сделалась ангина, но и на это мы не обратили вниманья) мы — в Вене, а через несколько дней — в Венеции» [3, т. 16, с. 71]. Из Венеции они отправились в Болонью, оттуда во Флоренцию, Ассизи, далее в Рим, откуда Гиппиус писала Л.Я. Гуревич: «Не стану описывать Италии, — это было бы глупо — ее нужно видеть. Венеция — мила, дивны произведения искусства во Флоренции, но что такое Рим — этого я вам не скажу. Какое счастье видеть этот истинно великий город. Воспоминания всегда прекрасны, а здесь такие воспоминания, такое прошлое — какого нет больше нигде» [4, с. 126]. О прочих подробностях этой поездки см.: [17, с. 798–801].

² Борис Борисович Глинский (1860–1917) — писатель и журналист. Гиппиус здесь подразумевает временно возглавлявшийся им журнал «Северный вестник» и иронизирует по поводу принятой туда стихотворной комедии Червинского «В глуши» (1891. № 5. С. 1–54).

³ Обычный путь путешествующих из России в Италию в это время пролегал через Варшаву и Вену.

⁴ Почему Гиппиус, говоря о Риме, упоминает статую, с XVII века хранящуюся во Флоренции, объяснить мы не можем: впрочем, этот скульптурный тип Венеры очень распространен и в Риме хранятся его близкие подобию.

⁵ 15 апреля 1891 г. Гиппиус писала Л.Я. Гуревич: «Все выбежали на улицу полуодетые, думая, что это землетрясение. Удар был поразителен. Медные двери Петра сорвались с петель. Лопнули все окна» [4, с. 126]. Взрыв порохового склада под Римом произошел утром 11 апреля. Обстоятельства произошедшего появились и в русских газетах: «Римские газеты наполнены подробностями

об ужасной катастрофе 11-го (23-го) апреля. Катастрофа могла бы принять еще большие размеры и стоить еще больших жертв, если б не хладнокровие инженер-капитана Спаккамела. В 7 час. утра капитан производил привычный обход форта Браветта. При приближении к пороховому складу ему послышался странный треск, напоминающий звуки отдаленной ружейной стрельбы. Чужа опасность, капитан приказал бить тревогу, собрал гарнизон форта, вывел его в поле и послал сказать работавшим на поле крестьянам прекратить работы и бежать. <...> Взрыв был слышен на значительном расстоянии, давление воздуха ощущено было до Фраскати, в 20 километрах от места катастрофы; в Риме господствовало страшное смятение, граничащее с паникою. Во многих палатках и домах были выбиты окна, отчасти треснули стены, как будто было землетрясение» (Новое время. 1891. 15 апреля. № 5434. С. 2).

⁶ Варвара Леонидовна Оппель (урожд. Михайловская-Данилевская; 1851–1912). Гиппиус вспоминает о ее салоне как раз в связи с Червинским: «Где-то на Моховой или Пантелеймонской был тогда очень гостеприимный дом г-жи Оппель. Молодой поэт Червинский (рано умерший) говорил, что стоит кому-нибудь прийти и сказать: “Меня душит реакция”, чтобы быть принятым с распростертыми объятиями» ([3, т. 13, с. 408–409]; действительный адрес Оппель был: Моховая, 11). Краткую характеристику собраний в доме ее и ее мужа («воскресенья Оппелей») см.: [20, с. 165]. Варвара Андреевна Оппель (1870–1928), дочь предыдущей. Состояла в переписке с В. Г. Короленко [21, с. 91]; после 1917 г. вынужденно сделалась теоретиком и практиком прогрессивного животноводства, см.: [18, с. 625–626]. Тихон Иванович Полнер (1864–1935) — на тот момент студент юридического факультета, приятель репетитора, обучавшего сына Варвары Леонидовны, Владимира Андреевича Оппеля, впоследствии выдающегося хирурга. См. в его воспоминаниях: [12, с. 101–102]. Сам Полнер сделался позже журналистом и издателем.

2. 18 августа 1891. Глубокое.

Глубокое, им. Шашиных¹.

18 августа.

Плачу́ вам черной неблагодарностью, Федор Алексеевич, и в ответ на ваше письмо, которое больше похоже на простыню, чем на благовоспитанное письмо — пишу всего несколько строк. Крайне тронута, крайне обласкана, крайне сочувствую вам — но все это лишь до известной степени. Я нахожу, что вы удивительно умеете изливать свою душу, но... я уже сказала, что сочувствую вам не вполне. Во-первых — к чему вам знать по-шведски? И вообще к чему вам разговаривать с вашей богиней? Излишне². Поверьте моей опытности, если человек влюблен, то он умнее всего, когда молчит. Уж это верно. Затем — что у вас за предрассудки? «Она чиста и недоступна...» Если даже она чиста и недоступна как вершина... не Эльбруса, а Риги-Кульм³ (а это более вероятно), то что из этого? Право не понимаю вас с вашими устарелыми понятиями.

Вижу одно: вы все-таки на краю гибели. Вам необходимо провернуть себя, свою думу, уединиться в тихих полях, обдумать и взвесить все обстоятельства... А для этого вам было бы всего лучше

приехать к нам. (Я и Д.С. вероятно останемся здесь за 1-е сентября — до 15 включительно) Известно, впрочем, что вы не слушаете добрых советов и никогда не исполняете обещаний — особенно ежели вы люблены.

Мои сестры — норвежки⁴ и могли бы вам напомнить вашу Гельгу. Ведь это близко. (По-моему — скверное имя, некрасивое). И если вы уж непременно хотите — могли бы привезти с собой учебник шведского языка и подучиться на свободе.

Вот мое мнение и мой совет. Поступайте, как подскажет вам голос разума. А засим до свиданья, ибо окказия <так> уезжает. В сущности — я очень люблю такие длинные письма, как ваше последнее. Это такое утешение в деревенской глуши... Что говорят о последней новости — Буренин обругал Суворина? Читал ли это Суворин?⁵ А что ваши комедии?⁶ Мои повести процветают. Хотя вы и не поклонник моего таланта, но это ничуть не мешает мне быть гениальной. Спросите Минского, Флексера, Суворина, Льдова, Биби⁷, — всех, кому когда-либо делала глазки... И будь у меня оспа, право они нашли бы меня вдвое талантливее... Если бы теперь сделалась оспа, конечно...

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 6–7 об.

Год опознается благодаря обратному адресу. В сельце Глубоком недалеко от Вышнего Волочка Мережковские (вместе с семьей Гиппиус) жили летом 1891 г. Поселились они там, вернувшись из европейского путешествия, около 26 июля (см. письмо Гиппиус к А. Волынскому от 27 июля: [3, т. 14, с. 14]) и первоначально собирались прожить до конца августа (20 августа Гиппиус в письме к тому же Волынскому выражала надежду на скорую встречу в Петербурге: [3, т. 14, с. 15]).

¹ Имение «Глубокое» принадлежало сестрам Аделаиде Сергеевне (1817–1904) и Елизавете Сергеевне (1806–1903) Шашиным. Обе они занимались музыкой и в середине XIX века пользовались известностью в Петербурге (см. реестр отзывов по ук.: [9]). О них см. статью Б. Виноградова «Забывтые земляки-музыканты» (Удомельская газета. 2009. № 10. 6 марта. С. 9).

² Эта серия намеков Гиппиус расшифровке не поддается.

³ Невысокая и легкодоступная гора неподалеку от Цюриха с живописным видом.

⁴ О чем идет речь, мы не знаем. Возможно, Гиппиус подразумевает скандинавский тип внешности Т.Н. и Н.Н. Гиппиус. Их род происходил из Германии и никакого явного отношения к Норвегии ни одна из сестер не имела.

⁵ Вероятно, имеется в виду вышедший двумя днями ранее «Журнальный разговор» Виктора Петровича Буренина (1841–1926), где он достаточно мягко, но все же иронически отзывался об Алексее Сергеевиче Суворине (1834–1912), своем работодателе. Говоря о повести Л.И. Веселитской-Микулич (которая не раз появляется в комментируемой переписке, см. примеч. 4 к п. 14) «Мимочка на водах», Буренин пишет:

«— А какое же ваше особое мнение?»

— Да очень простое: рассказ этот по идее — посредственная и банальная вещь, а по исполнению — и того меньше. <...>

— Однако, как же это вы так говорите? Ведь и в “Новом времени” А.С. Суворин рассказ похвалил?

— Так что же? Во-первых, у А.С. Суворина может быть свое мнение, а у меня свое. Во-вторых, А.С. Суворин, надо думать по доброте похвалил, быть может, сознавая, что хвалить-то особенно нечего» (*Буренин В.* Журнальные разговоры. Разговор девятый // Новое время. 1891. № 5554. 16 августа. С. 2).

⁶ Несмотря на регулярные шпильки Гиппиус в адрес творческой плодovitости Червинского, он написал не так уж много комедий: стихотворную «В глуши» (см. примеч. 2 к п. 1), прозаические «Орел» (СПб., 1909), «Завтрак» (Пробуждение. 1910. № 13. С. 443–446; № 17. С. 555–562), «Конец Мочалкина» (СПб., 1912), «Сильфида» (переделана из рассказа, о котором см. вступительную статью; РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 13), «Репетитор» (РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 17) и «Старый друг» (РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 29); вероятно, часть осталась неучтенной.

⁷ Подряд перечислены лица, связанные с Гиппиус отношениями разной степени интенсивности: поэт Николай Максимович Минский (наст. фам. Виленкин; 1855–1937); критик Аким Львович Вольтский (наст. фам. Флексер; 1863–1926); издатель и писатель Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912); поэт Константин Львов (наст. имя Витольд-Константин Николаевич Розенблюм; 1862–1937) и писатель Виктор Иванович Бибииков (1863–1892).

3. 20-е числа февраля 1892. СПб.

Федор Алексеевич!

26 мы уже уедем. Но помешать это ничему не может. Минский сам возьмется отослать деньги Бибиикову¹.

Почему это чтение Д. Мережк<овского> назначено днем? Никто не пойдет, гораздо лучше вечером. Нельзя ли это как-нибудь устроить? Я бы хотела продавать билеты. Минский тоже находит, что вечером удобнее. Приходите в среду непременно².

26-го, может быть, и не уедем³. Только это секрет. Для всех — уедем.

З.М.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 37–38.

Письмо не могло быть написано позже середины марта 1892 г., поскольку упоминаемый в нем В.И. Бибииков скончался от чахотки 15 марта 1892 г. При этом сюжет его связан, по всей вероятности, с идеей литературных вечеров в пользу больного Бибиикова, следовательно, оно должно относиться к осени 1891 — весне 1892 года. За это время мы знаем один планировавшийся отъезд Мережковских — в Европу, причем первоначально в качестве даты отъезда называлось именно 26-е: «Еду не в Воскресенье, как Вам писала, а в Четверг, 2 Марта, так как должна кончить еще одну работу до тех пор» (письмо Гиппиус к Минскому от 25 февраля 1892 г.: [7, с. 178]; воскресенье в этом году как раз падало на 26 февраля).

¹ Речь идет о выручке, которая должна была быть получена в результате благотворительного литературного вечера в пользу смертельно больного В.И. Бибиикова.

ва. 25 февраля Гиппиус сообщала Минскому «Вечер Бибикова не состоялся» [7, с. 179]. Ср., впрочем, в подробной биографической справке о нем: «<...> Литературный фонд дал пособие, а члены “Русского Литературного общества”, одним из членов которого состоял Бибиков, собрали между собою для него несколько сот рублей» [2, с. 259]. О подписке в пользу Бибикова сообщал и И.И. Ясинский в его некрологе (Новое время. 1892. № 5765. 17 марта. С. 2–3).

² Вероятно, это — отголоски тех же планов благотворительного вечера. Среда — 22 февраля.

³ 25 февраля Гиппиус сообщала Минскому, что они планируют выехать 2 марта; вероятно, это намерение было исполнено, поскольку 4 марта Мережковские уже были в Варшаве: [7, с. 178].

4. Март 1892. Ницца.

Ницца, ? марта <sic!> 92 г.

Пишу Вам, Федор Алексеевич, в глубоком пессимизме. Выбирала-выбирала день, чтобы не угнетать вас понапрасну — да и потеряла терпение: все равно, буду писать хоть в пессимизме, авось получу ответ, который разгонит мою тоску. Только уж вы пожалуйста мне поскорее ответьте, а не то я уеду — куда — неизвестно, и ваших драгоценных строк не увижу. О моей повести дозволяю вам не писать: я в ней совершенно разочаровалась¹. Вот погодите, напишу другую — хорошую! Главное — не надо унывать. Уныние всему мешает.

Здесь, в Ницце, премерзко. Ни капли зелени, кроме деревянных кактусов и дурацких пальм, которые ужасно похожи на банные веники. Иногда эти же самые пальмы напоминают мне старых дев, так противно они шелестят своими желтыми сухими ветками, точно сплетничают между собою. Кроме пальм — есть променада <sic>, где дамы распускают шлейфы и показывают шляпки. А еще нет ничего. Ни даже Донона² и симпатичных людей. Разве вот Боборыка³? Да уж больно много говорит. Он каждый раз отчасти сводит меня с ума. Вы его знаете?

Скоро, скоро мы возвратимся в любезный город Петербург. И хорошее дело. А как вы поживаете? Выбрали в Обществе Сахарову и Мердер?⁴ Что Оппеля?⁵ Пламя их, я думаю, так и не разгорелось⁵. У меня к вам маленькая просьба. Когда будете у Шеллера, спросите его пожалуйста, в каком номере напечатана моя «Детская повесть» и, если возможно, пришлите мне этот номер⁶. А если вам трудно и не хочется, то, по правде, не надо. Знаю, что вы будете скучать, читая

это письмо, ибо мне грустно — а вам никогда не бывает грустно. Но я надеюсь следующее письмо написать вам не как это, а как все вообще мои письма. Ведь вам они нравились.

Ваша Зина М.

Nice, Hôtel Beau-Rivage, Mme de Merejkovsky.

РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 235. Л. 1–2 об.

Мережковские приехали в Ниццу в начале марта 1892 г. 24 февраля / 7 марта 1892 г. А.Н. Плещеев сообщил П.И. Вейнбергу: «Вчера получил письмо от З.Н. Она с мужем должна быть на днях в Ницце, — и вероятно остановится в одном с нами отеле, только ее ждет здесь маленькое разочарование: она жаждет тепла, а в настоящее время в Ницце стоит ужасный холод, — да и не в одной Ницце, а по всей Ривьере <...>» (ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 75 об.). См. также примеч. 3 к этому письму.

¹ Речь идет об упомянутой далее «Детской повести» Гиппиус (Живописное обозрение. 1892. № 3. С. 43–47).

² Петербургский ресторан (наб. Мойки, 24).

³ Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) — плодовитый романист. Когда исполнился месяц его соседства с Мережковскими, живший в том же отеле «Beau-Rivage» (он существует и сейчас) А.Н. Плещеев писал П.И. Вейнбергу: «Вчера у Ковалевского он <Боборыкин> немного пощипал Мережковского, который сначала был им очарован, а теперь уже отзывается о нем значительно менее восторженно. Но Боборыкин, по-моему, совершенно прав, обвиняя его и в эклектизме, и в том, что он и вся его компания — открывают Америку — которая уже давно всем известна; — Мережковский здесь с утра до ночи сидит у себя в комнате за Этикой Спинозы — и ни о чем другом не разговаривает. На свою жену он успел также повлиять и она также вдалась в мистицизм и занята преимущественно вопросом о бессмертии души, хотя у ней молодость и жажда жизни по временам берут верх над мистическим настроением» (письмо от 2/14 апреля 1892 г. // ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 2–2 об.).

⁴ Надежда Ивановна Мердер (1837 или 1839–1906) и Анна Гавриловна Сахарова (1851–1900) — писательницы. Возможно, речь идет об их вступлении в «Общество русских драматических писателей и оперных композиторов» (куда входила первая, см.: Список Действительных Членов Общества Русских Драматических Писателей и Оперных Композиторов, имеющих право голоса в Общем Собрании 1897 года. <М., 1897>. С. 3) или «Русское литературное общество».

⁵ О семействе Оппелей см. примеч. 6 к п. 1. Что подразумевается под разгоранием пламени, мы не знаем.

⁶ См. примеч. 1 к этому же письму. Александр Константинович Шелер (псевд. Михайлов; 1838–1900) — писатель, редактор газеты «Сын Отечества» и журнала «Живописное обозрение».

5. Июнь — начало августа 1892. Ворота.

Ст. Преображенская, Варшавской жел. дороги.
Имение Глинки-Мавриной.
Ворота¹.

Федор Алексеевич,

хочу вам писать — и от вас иметь ответ. Где вы? Есть ли в Петербурге? Наугад пишу, тоскую по вас весьма. Черкните строчку. Да поскорее.

Зин. Мережковская.

Бойтесь холеры?²

РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 6.

Датируется по содержанию. Письмо несомненно относится к 1892 г., поскольку Мережковские только тогда жили в Воротах (см. примеч. 1 к этому же письму). Оно не могло быть написано ранее мая (когда они вернулись из Европы) и даже июня, когда новости об эпидемии холеры впервые приобрели угрожающий характер (см. далее). При этом оно предшествует недатированному п. 6 и датированному 7.

¹ Помета «Ворота» помимо писем Гиппиус к Червинскому встречается лишь на нескольких ее письмах к Н.М. Минскому, датированных летом 1892 г., а также в помете Минского на одном из ее писем [7, с. 196]. В литературе принято идентифицировать «Ворота» с дачей «Шевино», где Мережковские жили в 1897 г., но это не так: Гиппиус в письмах из «Ворот» несколько раз упоминает дорогу на пароходе, между тем как Шевино, расположенное недалеко от станции Преображенская Балтийской железной дороги (ныне — г. Толмачево Лужского р-на Ленинградской области) — место вполне сухопутное. При этом ст. Преображенская действительно единожды упоминалась в качестве промежуточной точки путешествия в «Ворота» — в письме Гиппиус к Минскому от 12 июня 1892 г. Известно, что от Преображенской существовало регулярное пароходное сообщение по рекам Луга и Ордеж, см., напр.: «Преображенская (116 в. от Пб.) расположена в довольно живописной местности на берегах р. Луги и Ордежа <sic>, по которым ходит пароход до села Тесова, в соседней Новгородской губ.» (Симанский В.К. Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здравости. Выпуск II. СПб., 1892. С. 92). В действительности речь идет о мызе «Ворота», принадлежавшей в середине XIX века семье Мавриных (Алфавитный список селений, по уездам и станам С.-Петербургской губернии, составленный при Губернском статистическом комитете. СПб., 1856. С. 124). Сама усадьба давно утрачена; место, где она находилось, поглощено поселком Ордеж. См. о ней: [11, с. 311–313]. Дача эта была снята еще из Ниццы: 8/20 апреля 1892 г. Мережковский сообщил П.И. Вейнбергу: «В Петербург мы вернемся в начале мая. В Преображенском мы уже наняли дачу за 185 рублей — 9 комнат, но три часа туда на пароходе от станции, в имении Глинки» (ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 16–16 об.). Последней ее владелицей была Вера Борисовна Глинка-Маврина (1857 – после 1920).

² В 1892 г. в России началась очередная эпидемия холеры. Занесена она была, как и в предыдущие годы, из Персии: первый случай был зафиксирован 12 мая 1892 г. на станции Каакха Закаспийской железной дороги. 6 июня холера проникла в Баку, 18 июня больной был обнаружен в Астрахани, 21 в Царицыне, 22 в Саратове, 23 в Самаре, 25 в Казани. К июлю эпидемия захватила уже большую часть Европейской России, пик ее пришелся на август. В Петербурге эпидемия началась в первых числах августа и две трети всех заболеваний пришлось на тот же август. В борьбе

с холерой привлекались не только штатные врачи, но и в большом количестве спешно нанявшийся медицинский персонал (*Владыкин Б.В.* Материалы к истории холерной эпидемии 1892–95 гг. в пределах Европейской России. СПб., 1899. С. 13–14, 25, 78, 83). Именно к числу добровольцев хотела примкнуть и Гиппиус. План этот, кажется, остался неосуществленным.

6. Июнь — начало августа 1892. Ворота.

Ворота, понедельник.

Из вашего сегодняшнего письма, Федор Алексеевич, я вывела много заключений и некоторые скажу вам. Но прежде, чем начать, спешу оговориться по поводу бумаги: она, правда, пробковая¹, но вашему остроумию да не будет здесь пищи: пишу без всякой задней мысли, без всяких намеков. Забегаю вперед, как видите, и это весьма похвально, неправда ли?

Минский никакого доноса еще не написал, хотя и пишет².

У меня к вам, Федор Алексеевич, две просьбы, только настоящие. Извольте сделать серьезное лицо, не думать о моих растрепанных волосах и спутанных лентах (см. Жабьи издевки³) и вообразить, что я настоящий человек, без спорных повестей с желанием быть гениальной, и без Минского с его Черными морями⁴. Ежели не можете — нечего и читать дальше, прямо ответ пишете, а можете — ну другое дело.

Первая моя просьба — это чтоб вы приехали к нам «взаправду», потому что мне взаправду хочется вас. Знаю, что причина недостаточная, но как же быть? Это правда, а вы ведь о ней скучаете. Можете себе представить, какое совпадение! Я тоже о правде стосковалась и отправляюсь искать ее немножко далеко — т.е. не в прямом смысле, а так, знаете, когда говорят: они далеко зашли... Короче — я отправляюсь к холерным⁵. Для меня это так же трудно, как для вас — меня полюбить. Можете судить! У меня мало физических сил, нет опытности, нет умения, но все это вздор, все будет, надо только желание. Немножко странно, не правда ли? До сих пор только за мной ухаживали, а теперь я буду. Проповедовала порок — и делаюсь добродетельной. Как быть? И в пороке, и во лжи, и в «красоте» — тоска порой такая, просто не жил бы на свете. И нельзя отрицать, не зная; надо узнать, что такое «добро», которое дает счастье миллионам людей. Может быть и мне оно даст счастье? Но уж если говорить о добре, о правде, о любви — так надо идти до конца... вы меня понимаете? Не умею стоять на золотой серединке. Не надо ни о чем жалеть. Заражусь — ну

туда мне и дорога, Минский поплачет, да это ему не вредно. Хотела ехать в Нижний, но там эпидемия ослабевает, началась в Петербурге. Не знаю, что и делать. Уехать лучше, по крайней мере своих не заразишь. А тут, пожалуй, и не утерпишь, пойдешь к ним. Насчет этого я как в лесу, если вы знаете немножко больше меня, как и куда нужно обратиться — напишите мне. Это моя вторая просьба. Мне, кроме вас, решительно некого попросить. Не знаете ли, может меня и не возьмут? Думаю, впрочем, что возьмут. Вы видите много самых разнообразных лиц, вам ничего не стоит узнать даже тайну государственную, а не только это. И еще, Федор Алексеевич, если вам не трудно, не говорите о моем проекте никому: ни Андреевскому⁶, ни Минскому и т.д. Часто непонятное кажется смешным. Да и не нужно.

Буду ждать вашего ответа, а в эту субботу вас самих. Пожалуйста, приезжайте! И не забывайте, что в воскресенье нет парохода к нам. Во все дни, кроме воскресенья. Вот чем вы меня можете огорчить, если не приедете. А слова? Что слова? Вздор один. Об остальных пунктах письма — до следующего раза.

Зина.

<Приписка в левом верхнем углу:> Все мои сестры и кузины, и кузены, и тетушки, и бабушки — равно жаждут вас. Приезжайте!

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 33–36 об.

Датируется по помете «Ворота»: 1892-й год был единственным, когда Мережковские снимали там дачу. Оно предшествует датированному письму от 10 августа, поскольку в последнем говорится о намерении Гиппиус отправиться волонтером в холерные бараки как о деле, уже известном адресату, но следует за п. 5: первым, написанным после возвращения из Европы.

¹ Для письма Гиппиус взяла почтовую бумагу светло-коричневого цвета.

² О чем идет речь — неясно.

³ В переписке Гиппиус и Минского несколько раз упоминается лицо по имени Саша Жаба (см., например: [7, с. 214, 256, 257, 306]). Вопреки ожиданию, это не прозвище, а вполне существующий Александр Константинович Жаба, на тот момент студент-юрист, позже — чиновник Департамента шоссейных и водяных сообщений. Его личное дело (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 28061), которое помогло бы установить минимум биографических подробностей, осталось нам недоступным. Остальных лиц из этой же компании мы знаем лишь по кратким упоминаниям, напр.: «А я просто вернулась с острова, где была Соня и Лелька, и много-много студентов, поющих разными голосами по нотам, а за стеной, у Жабы, еще студенты были, поющие уже без нот. Я сидела темная, костлявая, холодная, тихая, с развитыми волосами, смотрела сквозь студентов и страдала удивительно бескорыстно» (письмо к Н.М. Минскому от февраля 1893 г.: [7, с. 257–258]).

⁴ О чем идет речь — неясно.

⁵ См. примеч. 2 к п. 5.

⁶ Сергей Аркадьевич Андреевский (1847–1918) — адвокат и поэт, давний друг Гиппиус и один из героев ее мемуаров.

7. 10 августа 1892. Ворота.

10 августа, 92
Ворота.

Отчего вы, Федор Алексеевич, так часто зачеркиваете написанное? Уж не хотите ли вы подействовать на мое любопытство? Но ведь я знаю, что вы добрый, и, если бы любопытство слишком замучило меня, вы бы объяснили мне всякие тайны. Но мне кажется — я не любопытна. Не люблю терять времени. Все равно, много останется неизвестного, хотя бы даже и узнала, что в зачеркнутых строках. (В это время вы думаете: и чего она так распространяется о вздоре? Неужели она действительно может интересоваться... и т.д.) Говорю правду, но ведь вы не можете допустить, чтобы я сказала что-нибудь спроста, без задней мысли. Не можете?

Интересно мне знать, как это Минский «проговорился»? Где это «там» считают вас покоренным? Кончая с прискучившим вопросом говорю вам совершенно серьезно: честное слово, никогда в жизни не думала, что нравлюсь вам в известном смысле (вы хорошо ко мне относились и, надеюсь, относитесь, но я говорю про влюбление), никогда не выражала мнения, что могу в будущем вам понравиться — и до сей минуты, по совести, считаю это несбыточным. Мне больно, что вы со мной так настороже.

Относительно холерных — столько осложнений, что и подумать страшно¹. Все против меня, я просто оглушена. Вы один только сказали, что «мне это нужно». Да, именно мне нужно; иначе быть не может. Пусть я не права, пусть вернусь, не найдя ничего, но пойти я должна, а они должны меня пустить. Вы говорите о «эффекте». Я сама думала об этом раньше ваших слов. Но знаете? эффекта не будет. Только очень близкий человек, знающий меня, может угадать, как мне трудно — труднее нет, чем я рискую (ведь у меня определенная грудная болезнь) и вообще как я себя должна переломить. А для всех — я иду как все, из «любви к ближним», да и женщина создана быть сиделкой, она исполняет только свое назначение... Не знаю, поймете ли вы, что я хочу сказать.

Об «Идиоте» поговорим при свидании. Я читала его давно и хочу перечесть. По моему, это лучший после Прест<упления> и Нак<азания> роман Достоевского. Помните последнюю сцену с трупом? Она меня поразила. Вы любите князя?

Федор Алексеевич, приезжайте вы, в самом деле. Если вам нужны два праздника подряд — то вот они, как раз: в субботу пятнадцатое².

В субботу ждем вас и выйдем встречать на пристань. Если не хотели приезжать, то дали бы понять, что шутите. А ведь я доверчивая.

Зина М.

<Приписка в левом верхнем углу:> Если пойду к холере, долго не увидимся. Пожалуйста приезжайте. Узнали что-нибудь новенькое?

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 3–4 об.

¹ См. примеч. 2 к п. 5.

² 15 августа — Успение Богородицы, один из двенадцатых праздников.

8. Конец августа 1892. Ворота.

Ворота.

Ну вот видите! Честное слово, у меня было подозрение, что просто вам у нас не понравилось, а все дела — одна выдумка. Положим, говоря по справедливости, чему и нравиться-то? Кругом болота, ни одной арфистки, серая корчма, влюбленный Минский¹, Зина с психопатией в виде холерных да еще якобы уверенная в вашей пламенной любви, подурневшая Ната², мацони, кисель и море! Подумаешь... до чего скука!

А впрочем это я так. Не старайтесь любезно возражать. Это совсем не нужно.

Все пришли в восторг от ваших стихей... Простите, теперь поздно, и я забыла родительный падеж... И вот — просят неотступно продолжения. Даже Ната сказала: «хороши стихи». А она насчет слов туга. Не любит тратить даром.

Во вторник некоторое население разезжается. Мы мокнем под дождем и надеемся на обещанные Дм. Серг. «чудные осенние дни». Когда холерные будут валяться по улицам и от вас убегут все братья³ — прошу презреть пароходные часы (7 часов!) и приезжать в Ворота. До чего хорошо! Все мы единогласно находим, что вы «обольстительно прекрасны» и все жаждем вас видеть. Но, знаете, гостю, который в Ворота приезжает вторично — назначена премия. И несмотря на премию — смельчак еще не выискался.

Зина.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 23–24 об.

Датируется по упоминанию о пребывании в «Воротах». См. примеч. 1 к п. 5.

¹ Гиппиус весьма настойчиво зазывала Минского в письме от 23 июня 1892 г.: [7, с. 195], но когда он воспользовался этим приглашением, мы не знаем.

² Наталья Николаевна Гиппиус (1880–1963), сестра З.Н.

³ У Червинского было два брата — Владимир Алексеевич (1859–?) и Андрей Алексеевич (1861–?), см. в биографии их отца: [10, с. 472].

9. Сентябрь — октябрь 1892 ?. СПб.

Милый Федор Алексеевич... впрочем вы совершенно не стоите этого эпитета и я его беру назад.

Отчего вы не ответили на мое последнее письмо? Это не хорошо, даже просто скверно. Если вы искренно хотели меня видеть... разве вы это выражали? Или мне приснилось? Или я просто считаю это в порядке вещей? Все равно. Одним словом: если вы хотите меня видеть, зайдите завтра часов в 5 к Мурузи¹.

Пошли бы вместе обедать... Измените на полчаса Mles Сандберг².

З.Н.М.

Я не влюблена в доктора³.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 20–21 об.

Датируется по упоминанию «доктора» — Н.Ф. Чигаева, с которым, вопреки утверждению, у Гиппиус был краткий роман осенью 1892 г.

¹ Адрес Мережковских этого времени: Литейный, 24, кв. 20. В обиходе этот дом именовался «дом Мурузи» по фамилии первого владельца.

² Неизвестное нам лицо. Вряд ли это Дина Давыдовна Сандберг (Дебеле), выпускница Бестужевских курсов 1887 г., впоследствии известный врач. Возможно это та же Гельга (Хельга), что упоминается в письме 2, но из многочисленных лиц по имени Helga Sandberg, учтенных мировыми генеалогическими справочниками, ни одно, кажется, не имеет явных связей с Россией.

³ Доктор — Николай Федорович Чигаев (1859–1919), позже - семейный врач Мережковских. Они познакомились весной 1892 г. во Франции. Гиппиус записывала в дневнике: «На Ривьере — доктор. <...> Мне казалось, что я играю, шучу. Искание любви, безумие возможности (чего?) — яркая влюбленность (вилла Элленрок, дача М. Ковалевского) — и вдруг опять, несмотря на все мужество во имя влюбленности, — холод и омерзение. А между тем ведь мне дан крест чувственности. Неужели животная страсть во мне так сильна? Да и для чего она? Для борьбы с нею?» [3, т. 8, с. 30]. Осенью 1892 г., судя по череде упоминаний в письмах к Минскому, Гиппиус переживала новый этап влюбленности в Чигаева, закончившийся к октябрю (см.: [7, с. 200–217])

10. Сентябрь — октябрь 1892 ?. СПб.

Понедельник.

Федор Алексеевич, обстоятельства изменились, приходите к нам сейчас же (12 ½) и пойдем завтракать. Пожалуйста!

3.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 22.

На той же приметной синей бумаге, что и предыдущее письмо.

Датируется (весьма условно) благодаря этому обстоятельству.

11. Последние числа декабря 1892 г.? СПб.

«Апельсин! Ты начинаешь портиться!»
из оперетки «Сердце и Рука»¹.

Очень жаль и очень глупо, что вы не хотите ехать. Даже не написали почему. Что это такое? У меня уже «скребет». Вы хотите устроить покойное житье. Напрасно! Или я — или покой. Опять зайцы, Господи, какая скука!

Ошибаетесь. Новый год мы встречаем в постелях. Никого не хочу!! Сегодня целую ночь не буду спать и завтра упаду в летаргию в 10 часов. Чехов был у нас сегодня. Не советую любить его и ухаживать за ним: от него пахнет йодоформом! Клянусь. В субботу ничего не будет, а в воскресенье. Но до воскресенья мы еще увидимся в пятницу, если вам хочется, рано. Итак — до будущего года!

Зина.

Вы отдаете мне ваше свободное время... Благодарю вас.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 19–19 об.

Главная деталь, позволяющая хотя бы приблизительно датировать это письмо, — сочетание приближающегося нового года и упоминание визита Чехова. Познакомился он с Мережковскими в 1890 г., то есть письмо точно не могло быть написано раньше. Декабрь 1890 г. Чехов провел в Москве. Декабрь 1891-го, в принципе, возможен: Чехов вернулся в Петербург утром 27 декабря. Декабрь 1892-го вероятен: Чехов в Петербурге. Декабрь 1893-го исключен: Чехов в Мелихове. При этом в 1892 г. 1 января падало на среду, так что прощание в последних числах декабря 1891 г. «до пятницы» и «до будущего года» выглядит менее естественно, чем для последних чисел декабря 1892-го, поскольку 1 января 1893-го как раз было пятницей.

¹ Оперетту Григория Александровича Арбенина-Пальма (1858–1915) «Сердце и рука», представляющую собой «перделку с французского», мы знаем только по литографированному изданию московской театральной библиотеки С.Ф. Рассохина

(М., 1883?). Указанной строки там нет, но есть несколько похожих: «Апельсинчик, ты меня надуваешь» (Л. 28), «Неужели ты мне лжешь, апельсинчик» (Л. 28), «Апельсинчик! Ты обманываешь мужа» (Л. 107): все это реплики героя по имени Моралес.

12. Зима 1892–1893 ?. СПб.

Суббота.

Как порой несколько слов, сказанных без цели, но почему-то не гармонирующих с данным настроением — могут скверно влиять на человека и разогорчить его в конец. Это вы сделали своим письмом. «Надо все иное...», «... вас вовсе отсюда...». А мне как раз казалось, что не нужно иначе (о, Боже сохрани!). Ну — и расстроили вы меня окончательно этим «не тем». У меня являются большие и грозные мысли. В Ricord¹, впрочем, не погрузилась... еще. Авось завтра, увидав Нату и вас, я убеждусь <sic!> снова, что я умница, а вы хотите мне хорошо, и авось я стану прежней веселой Зиной. Жду вас пораньше, дорога дальняя; мы поедем с вами на 14 л.²

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 45–45 об.

¹ Что это значит неясно. Существуют книги по медицине, подписанные этим именем, но вряд ли речь идет о них.

² Т.е. к матери и сестрам Гиппиус (см. примеч. 1 к п. 13).

13. Зима 1892–1893 ?. СПб.

Воскр.

Крайне признательна вам за то, что изволите скучать без меня. Это очень мило с вашей стороны. Что касается поездок к маме¹ (я все-таки смею думать, что вы говорили о моей маме, приписка слишком не удалась), то осмелюсь вам доложить — я не из стали, которая, как известно, на морозе ломается, а из тела и крови, и морозов не боюсь; потому и езжу туда очень часто, вчера вечером, например. Сегодня Тата² и Ната приедут ко мне, ибо тоже не боятся морозу. Решительно не понимаю ваших темных намеков о Ивашкевиче. Какой Ивашкевич?³ Когда не пришел? Разве он должен был ко мне прийти? Вы, вероятно, все спутали по обыкновению. Или выдумали

из своей головы. Это бывает. Что касается до вашей гангрены — то я была права, не придав ей значения: вас, несмотря на эту опасную болезнь, никогда дома нет и письмо может поймать разве утром. Но — *really it hurts me*⁴ — почему вы не обратили внимания на наши бедствия, даже на то, что нас сошлют в Любань⁵? Разве это не важно? Ведь я же просила зайти поскорее, чтобы прослушать предисловие и решить в качестве практического человека, можно ли его читать публично. Затем мой пакет от Минского... Впрочем *now all is over*⁶: предисловие Д.С. потерял (?), а пакет тоже исчез⁷. Уж не знаю, что вам еще написать. Не понимаю, почему я с вами ссорюсь. А у меня такое чувство, что я ссорюсь, и виноваты вы, вы, вы и вы недостаточно. <вычеркнуто несколько слов>

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 39–39 об.

Это письмо, наполненное не поддающимися комментарию деталями, условно датируется по сочетанию тона (характерного для разгара отношений автора с адресатом) и упоминанию морозов.

¹ В первой половине 1890-х годов Анастасия Васильевна Гиппиус (урожд. Степанова, 1849–1903) с дочерьми Татьяной и Натальей жила по адресу: Васильевский остров, 14 линия д. 57, кв. 2. Переехали они оттуда, очевидно, в 1897 г. — и тогда же мать Гиппиус впервые появилась в адресной книге (4-я линия Васильевского острова, д. 45).

² Татьяна Николаевна Гиппиус (1877–1957) — сестра З.Н.

³ Я. Ивашкевич — поэт, несколько раз печатавшийся в «Северном вестнике». Возможна его идентификация с Яковом Ивашкевичем, окончившим юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1895 г. и /или с корреспондентом А.С. Суворина Яковом Фортунатовичем Ивашкевичем (его письма: РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1593).

⁴ Это по-настоящему меня ранит (*англ.*)

⁵ О чем идет речь — неясно.

⁶ Нынче все кончено (*англ.*).

⁷ О чем идет речь — неясно.

14. Начало февраля 1893 ?. СПб.

Вторник.

Медведский¹ написал, что ни он, ни Сафонов² не могут быть у нас завтра и просят отложить среду на воскресенье. Не знаем, извещены ли вы об этом. А в ожидании будущих благ — Пятковский выпустил три лучшие страницы из статьи Д. С-ча и даже не предварив автора³. На вопрос: зачем? отвечал, что это ему так нравится. Все сие не обещает особенных торжеств, согласитесь.

Чуть не познакомилась с Микулич⁴. Впрочем — что отложено, то не потеряно. Не хотите ли в четверг или в субботу на остров со мной⁵? Если нет, что очень жаль, то предупреждаю, что в эти дни я там буду.

З.Н. Мереж.

Ваше чувство правдивости (связанное, как всегда, с эстетическим чувством) ни в чем не упрекало вас на вечере баронессы?⁶

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 10–11.

Датируется условно по содержанию: в переписке Гиппиус с Минским несколько раз упоминаются поездки на «остров» (т.е. на Васильевский остров к А.К. Жабе; см. примеч. 3 к п. 6), причем один раз в качестве ее предполагаемого спутника назывался и Червинский; все эти упоминания относятся к февралю 1893 г. Впрочем, достоверно известная поездка была в воскресенье 7 февраля, а в этом письме Червинский приглашается на четверг или субботу. С другой стороны, на том же Васильевском острове жила мать Гиппиус с ее сестрами (см. примеч. 1 к п. 13), так что это намерение вполне может относиться к ним.

¹ Константин Петрович Медведский (1866 – после 1919) — поэт и критик. Письма его к Мережковским неизвестны. См. о нем статью Е.Н. Петуховой и А.В. Чанцева: [15, с. 559–560].

² Сафонов Сергей Александрович (1867–1904) — поэт, прозаик, актер. См. о нем: [17, с. 895–898]. Примечательную встречу Медведского и Сафонова несколько лет спустя зафиксировал В.Я. Брюсов: «Они пили водку и пиво и говорили, много говорили. “У нас тут кабак, а тут и храм. Рыло у нас в навозе, но мы моемся. Мы поэзии поклоняемся”» [1, с. 73].

³ Александр Петрович Пятковский (1840–1904) — историк литературы, издатель журнала «Наблюдатель». В авторизованной библиографии Мережковского значится единственная его прозаическая публикация в «Наблюдателе» — рассказ «Пророк» (1891. № 12. С. 92 — 108); вряд ли речь идет о нем. В 1892 и 1893 гг. его сочинения там не появлялись.

⁴ Микулич или Веселитская-Микулич Лидия Ивановна (1857–1936) — писательница. Гиппиус была разочарована ее повестью 1894 г. (см.: [7, с. 288–289]). Вероятно, позже они все-таки познакомились, поскольку десятилетие спустя рекомендательное письмо от Микулич привез Мережковским в Париж Н.С. Гумилев [3, т. 14, с. 223].

⁵ Имеется в виду загадочная студенческая компания Гиппиус 1892–1893 гг. (из участников которой мы доподлинно знаем только А.К. Жабу, см. примеч. 3 к п. 6). Ср., кстати, в письме Гиппиус к Минскому от 6 февраля 1893 г.: «Завтра <...> вечером жабе рождение, и я просила Червинского отвезти меня на остров, а если он, т. е. Червинский, отлынет, — то поеду одна, увы, — на лошади!» [7, с. 256]. Не исключено, впрочем, что речь идет о поездке к матери и сестрам Гиппиус (см. примеч. 1 к п. 13).

⁶ Баронесса — Варвара Ивановна Икскуль фон Гильдебрандт (Гильденбандт, Гилленбанд; урожд. Лутковская; в первом браке Глинка-Маврина; 1850 (по др. источникам: 1852)–1928) — писательница и переводчица, давняя знакомая Мережковских. Данных о ее вечере у нас нет.

15. Середина марта 1893. СПб.

Суббота. 5 ч.

Федор Алексеевич,

письма от меня вы, конечно, ожидаете — и вы не ошиблись. Я пользуюсь минутой искренности — вам все равно, от чего происходит эта минута.

Я рада, что вы получите это письмо утром, когда у вас будет болеть голова, — и прочитаете его со скукой. Не бойтесь, оно не длинно.

Я угадываю лучше вас. Сегодня все, что вы думали — я думала тоже и знаю так, как будто все это вы сказали громко. Оно и не трудно, возрадите вы. Конечно, не трудно. Не в том дело. Мы оба обмануты — вот главное. Вы хотели от меня преданности, честности и правды. Я хотела от вас «чудесной» любви, которой я не достойна (говорю это просто, как факт). И теперь ясно и вам и мне, что я не преданна и не честна, а вы меня не любите. Может быть, это письмо лишнее подчеркивание — простите мою слабость. И хорошо для вас, что вы меня не любите. Потому что если б вы любили... знаете, слишком глубоко в жизнь не надо заглядывать. Я хочу слишком много и слишком сильно... то, чего я хочу — больше меня самой. Я это вижу и покоряюсь этому. Неизбежный конец я теперь вижу, не только чувствую. Вы уезжаете за границу¹. Я тоже исчезаю — куда — прошу вас, не говорите со мной, если даже и догадываетесь. Не предполагайте трагизма. Я это делаю оттого, что все во мне — больше меня самой. Если непонятно — не беда. Теперь — последняя просьба, очень серьезная, которую вы, конечно, исполните: вы придете ко мне во вторник (не забудьте мои письма)², я вам обещаю, что ничего ужасного не будет. Все-таки было красивое — а красивое нужно кончить красиво, смело и просто. Ну, вы меня понимаете. Жаловаться друг другу не станем, и мне, и вам больно, конечно, я знаю. Вот — мне уже хочется жаловаться — но я удержусь. Когда мне казалось, что вы можете, и, главное, что следует меня любить — в моей душе было к вам такое чувство, которое... ну которое больше меня самой. Кто знает истину? Кто не ошибается? Но что бы с вами еще не случилось в жизни, не забывайте меня. Я много хотела — простите мне много за это.

<Приписка:> Вы понимаете, что не надо ничего писать мне.

Возможно, это то самое письмо, о котором Гиппиус упоминала в дневнике: «Во вторник вечером я написала Червинскому такое письмо, которое привела бы здесь, если б он его возвратил. Я сказала все, что думала. И как переменялись мои мысли. Я говорила, что надо проститься, надо оборвать отношения сразу. Просила прийти вечером, 17-го марта (ровно 4 месяца). Когда получила в постели записку с одним словом: “приду” (я не хотела других слов) — мне стало так жаль себя, что расплакалась» [3, т. 8, с. 33]. Об этом говорит и упоминание о предстоящем отъезде Червинского за границу, и общий тон и тематика письма, нацеленного на разрыв. Но с этим совершенно не сопрягаются дни недели: Гиппиус делает дневниковую запись в пятницу 19-го марта, сообщая, что письмо написано во вторник 16-го (ср. кстати упоминание того же 16-го в п. 17), а приглашен Червинский на среду 17-го. Наше же письмо записано в субботу, а приглашен адресат на вторник. Любопытно, что Гиппиус просит в нем принести ее письма, упоминает в дневнике о том, что письма с разрывом у нее сейчас нет, но при этом комментируемое письмо отложено в ее архиве. Может быть, это черновик, а белой вариант был отправлен три дня спустя? Тогда наше письмо должно быть датировано субботой 13-го марта.

¹ Центральный момент разрыва Гиппиус и Червинского — отъезд последнего за границу, в Италию. Виделись в последний раз они 17-го марта [3, т. 8, с. 33]; 28-го она получила от него письмо из Венеции (Там же. С. 35).

² Просьба эта не была исполнена: большая часть корпуса писем Гиппиус сохранилась в составе архива Червинского.

16. Осень 1893. СПб.

Дмитрий Сергеевич не хочет в два, не хочет в воскресенье, или в это воскресенье (правда, мы в 3 часа едем в Лесной) и вообще я не знаю, чего он хочет. Он гудит, жалуется на вас, что вы, мол, в глубине души не очень-то жаждете шапронировать¹ его к П-вым² и т.д. Сговаривайтесь с ним сами, я умываю руки.

О второй странице вашей записки скажу только два слова. Ничего я не знаю ни о себе, ни в себе такого, чего бы вы не должны знать или уже не знали бы, и я не ждала вторичных намеков; от них вы уже раз отказались, после нашего с вами литературного вечера — «я был неправ». Если вы все-таки говорите серьезно, если вы знаете во мне чего я сама не знаю — мне кажется, вы должны сказать мне это. (Ведь вы допускаете в человеке чувство долга?) Тем менее умею даже предположить что-либо, что, по вашим словам, это противоречит истине моих формул.

А если вы написали так, нарочно, для шутки или для чего-нибудь другого — поверьте, это нехорошие, невеликодушные шутки.

Зин.

Датируется предположительно по упоминанию «П-вых», т.е., по нашей атрибуции, братьев Перцовых. Если это и в самом деле так, письмо должно относиться к месяцам, предшествующим знакомству (о котором см. примеч. 7 к п. 22).

¹ Сопровождать (от *фр.* *accompagner*).

² Вероятно — к Перцовым, т.е. П.П. Перцову (см. примеч. 7 к п. 22) и его двоюродному брату В.В. Перцову, вместе с которым они издали в 1895 г. альманах «Молодая поэзия».

17. Сентябрь 1893 ?. СПб.

Среда.

Бог с вами, ну зачем этот тон в последнем письме? И зачем вы опять. — Мне просто было очень, очень дурно эти дни, и теперь нехорошо. Напрасно вы побоялись прийти... (отчего-то я гадко пишу, как будто делала гимнастику и устала). Я одна во всем виновата — вы правы, а я виновата, потому что я безумная. Я хочу того, чего на свете нет, я хочу и жду чудес¹. И напрасно вы не пришли. Ничего бы я вам не сказала, ни в чем бы не упрекнула, мне только хотелось, чтобы мы вместе, вместе грустили о том, что нет чудес. Я вам скажу, если вы не будете смеяться, я вам скажу, что я серьезно верила в понедельник, что если вы меня любите — то без моего слова, без намека должны угадать мое желание, угадать, что я больна, что я тоскую, что мне дурно и одиноко, что я — — понимаете, должны сами, только потому, что мое сердце этого хотело. И ваше невинное (говорю без иронии) письмо в такую минуту сделало меня несчастной. Да не улыбайтесь, пожалуйста, это не утрировка. Видите, я с вами просто говорю, без всяких вывертов, и не хочу вам сделать больно, я объясняю неясное для вас — и даже стыжусь перед вами своего сентиментального безумия. Вы не думали ведь, что я романтична без предела? Ну вот, каюсь. *C'est à prendre ou à laisser*², *Monsiers*. Я хотела избежать единого фальшивого звука в наших отношениях — и не сообразила, что это было бы чудом, потому что вы человек и я человек. Ваши письма не вовремя, ваши отказы и смешки — для вас ничто, они ранят только меня, только меня одну, и я, как видите, даже не спешу жаловаться вам, а прячусь в подушку и тушу лампу, чтобы стены меня не увидали — или пишу вам безумные, безнадежные письма, которые, конечно, прячу в особый конверт. И, знаете, этого не расскажешь, вот того, что я пыталась рассказать. Это можно или почувствовать (ведь вы хотите вместе жалеть о чуде?) или совсем все принять за насмешку, за ложь, за причуды, обидеться, пожалуй,

ответить «с достоинством». Это я не про вас говорю, я думаю все-таки, что вы почувствуете, как мне в самом деле нехорошо теперь.

Избегаю, боюсь писем. Если я пишу — значит это необходимо, почти неизбежно. Вы не знаете, как трудно, как не хочется писать. Но я не красноречива, не умею говорить, или говорю так, что меня не понимают. И я в среду говорила не то, и вы думали не то. Дайте мне сказать два слова без волнения и без ваших враждебных глаз.

Можно было подумать, слушая меня, что я прошу... нет, что я хотела бы возобновления прошлого и опять ждала от вас чего-то. А между тем если бы вы сказали мне, что любите меня бесконечно, готовы на всякую жертву, никогда не разлюбите — я слушала бы, как слушаю ветра шум — без горести и без отрады. Думать, что после «того» можно вернуть хоть один взгляд, одно движение души — все равно, что желать вернуть тот снег, по которому мы с вами ездили на Васильевский остров³. Кончилась зимняя сказка. Теперь слушайте. Вы должны вспомнить, что я вас ни минуты не обманывала, — и поступала только так, как предупреждала. В письме от шестнадцатого марта, и вам лично на другой день — я говорила одно: все кончится, и помешать кончиться — не в моей власти⁴. До подробностей, до последнего слова вы знали, что будет. Я хотела избавить вас от неожиданности. Вы не поверили — разве я виновата? Или просто забыли мои слова. Вы ударили меня — и ушибли руку, и сердитесь на меня же за боль, хотя я вам говорила, что будет немножко больно. Ваша враждебность меня поразила своей неожиданностью, я не думала, что может случиться такое несправедливое. Поразила в первую минуту — следствие — наш разговор и это письмо. Теперь я уж начинаю привыкать. Простите упрямый оптимизм очень одинокого и порою очень слабого человека. Я не хочу говорить, что мне было тяжело в то время; вашей тяжести я не знаю, знаю только свою. Просто скажу — очень нехорошо мне было. Это не станет вас тревожить, потому что — видите ли: никогда, ничем, ни при каких обстоятельствах ни искупить, ни исправить вы этого не могли бы, если б захотели; только безнадежность даст спокойствие; и вы имеете право на это спокойствие. — Вы говорили, что любите меня. Прошло два месяца — и ваша любовь превратилась в безотчетную злобу. Я сказала, что я не изменилась. И никакая боль, хотя бы смертельная, не заставит меня измениться, перестать к тому идти, что мне кажется прекрасным. Это исчезнет во мне со мной вместе. Не могу измениться, не могу идти против себя. И в ответ на вашу злобу у меня в душе прежнее чувство; без надежды, без ожидания, без будущего — но и без тени неприязни за тот ужас, который вы

со мной сделали. Я почти удивляюсь. А между тем я вас не любила и не люблю. Т.е., выражаясь точно, вы мне не «нравились» и не были «дороги». А я вам и нравилась, и была дорога, и ваше чувство вы называли не злобой, как теперь, а любовью. Пожалуй что мое, не любовь, было «лучше чем это».

Вы весь теперь непонятны для меня, и ваш приезд в Наплатье⁵ — я его не ждала. Вам хотелось посмотреть, как я второй раз буду переживать дни, похожие на мартовские, и как опять станут тревожить меня безумные, высокие уже побежденные мечты — не новые, а старые, только воспоминания —

<Приписка на первом листе:> Если возможно, придите завтра от 7 ½ до 9 ½, я вам не скажу ничего дурного.

<Приписка на втором листе:> адрес пишу ни<же?>

РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 7–10 об.

Это письмо (возможно, черновое и неотправленное) явно относится к одной из осенних встреч автора и корреспондента [3, т. 8, с. 36–37]. Оно не могло быть написано раньше лета 1893 г., поскольку в нем упоминается летний визит Червинского в Наплатье (дачу Мережковских недалеко от Луги). С другой стороны, оно явно относится к 1893 г., поскольку послание с разрывом упоминается просто как «письмо от шестнадцатого марта» — без уточнения года. Тогда упоминаемые в тексте два месяца, за которые любовь Червинского «превратилась в безотчетную злобу» нужно отсчитывать с летнего визита в Наплатье.

¹ Эту формулировку (прямо перекликающуюся с самой, вероятно, известной строчкой стихов Гиппиус) практичный Червинский передал героине своего рассказа «Сильфида», художнице Валентине Ниловне: она говорит: «Я хочу чего-то иного, — того, что лучше и чище... хочу необычного» (*Червинский Ф. Сильфида // Живописное обозрение. 1899. № 42. С. 355*).

² Это можно взять или оставить (*фр.*).

³ См. примеч. 5 к п. 14.

⁴ Это письмо и последовавшую за ним встречу Гиппиус упоминает в «Contes d'amour»: «Во вторник вечером я написала Червинскому такое письмо, которое привела бы здесь, если б он его возвратил. Я сказала все, что думала. И как переменялись мои мысли. Я говорила, что надо проститься, надо оборвать отношения сразу. Просила прийти вечером, 17-го марта (ровно 4 месяца). <...> Мучительный вечер! Этого человека я не понимаю. Не понимаю, любит он меня или нет. И он меня определенно не понимает» [3, т. 8, с. 33].

⁵ Имение близ г. Луги (ныне им поглощенное), где Мережковские жили летом 1893 г. О визите Червинского туда Гиппиус также сделала запись в дневнике [3, т. 8, с. 36].

18. Конец сентября — начало октября 1893. СПб.

Вторник.

Послушайте, Федор Алексеевич — я, право, не понимаю, серьезно не понимаю, почему вы не хотите дать мне прочесть ваш роман целиком?¹

Личные отношения наши — каковы бы они ни были — не играют тут никакой роли, если вы признаете во мне человека, любящего и — по своему — понимающего литературу. Я хочу знать вполне то, что знаю наполовину (меньше), хочу иметь свое определенное мнение (хотя бы для себя, если вас оно мало интересует), почему вы мне отказали?

Я не настаиваю, вероятно у вас есть причины — я только рада была бы их выяснить.

Если же и этого никак нельзя — простите. Я в самом деле, и очень серьезно, решила не идти против ваших желаний... в тех редких случаях, когда ваши желания имеют какое-либо отношение ко мне.

Зин. Гиппиус.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 12–13.

Датируется предположительно: письмо должно предшествовать п. 22, из текста которого следует, что Гиппиус получила от Червинского рукопись его романа и прочла его. Вероятно, речь идет о романе Червинского «Пустоцвет» (Ежемесячное приложение к журналу «Живописное обозрение». 1900. № 3 . С. 540–595; № 4. С. 59–122) или о произведении, оставшемся в рукописи. Если бы не сделанная через несколько писем (см. примеч. 4 к п. 21) оговорка, из которой следует, что в упоминаемом романе более, чем двадцать две главы, мы бы могли предположить, что речь идет о рассказе «Сильфида» (Живописное обозрение. 1899. № 42–44), в котором действует героиня, весьма похожая на Гиппиус (см. вступ. статью).

19. Конец сентября — начало октября 1893. СПб.

Суббота.

Я вспомнила, что вы собирались на остров именно сегодня. Может быть вы и не собирались, а так сказали — но на всякий случай сообщаю, что они не дома¹. По непредвиденным обстоятельствам они сегодня у меня. Если хотите — можете и вы зайти ко мне, а если нет — то передаю вам по просьбе моих, что они вам всегда рады, хотя и не верят больше в ваш действительный приезд.

С удовольствием подожду (насчет романа) ответа редакции². Только пожалуйста и тогда дайте мне черновик. Предпочитаю ваш почерк, мне знакомый, тому, неизвестному, неинтеллигентному, которым написана чистая рукопись. Думаю — от него рябит в глазах. Напрасно, напрасно изменили ремингтону...³

А будете на вечере в память Тютчева?⁴

Stia bene⁵.

З. Гиппиус.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 15–16.

Датируется предположительно: письмо должно предшествовать п. 22, из текста которого следует, что Гиппиус получила от Червинского рукопись его романа и прочла его.

¹ Речь идет о поездке на Васильевский остров к матери и сестрам Гиппиус (см. примеч. 1 к п. 13).

² См. примеч. 1 к п. 18. Если речь идет об этом романе, то ответ редакции был явно отрицательным: его публикация отложилась на несколько лет.

³ «Ремингтон» — марка пишущей машинки.

⁴ В лучшей тютчевской библиографии [19] нет упоминаний о каких бы то ни было мемориальных мероприятиях 1893 г.; хронологически ближайший тютчевский вечер состоялся в 1895 г. (*Сигма* <Сыромятников С.Н.> К памяти Тютчева // Новое время. 1895. № 6829. 4 марта. С. 2); при этом отнести наше недатированное письмо к 1895 г. довольно трудно (хотя и не невозможно). На этом вечере, устроенном у А.С. Ермолова, среди прочих читал стихи Тютчева и Мережковский (а В.С. Соловьев вступал с докладом). При этом вполне может быть, что девяносто лет со дня рождения Тютчева, падавшее на 1893 г., отмечалось приватно и сведений об этом не сохранилось. См. также: [6, с. 60–70].

⁵ Будьте здоровы (ит.).

20. Начало октября 1893. СПб.

Прежде писания романов нужно поучиться жить. Откуда мы пришли, что все человеческое нам так долго чуждо, так долго невероятно и так оскорбляет? Хорошенько, крепче пожелайте мне счастья и присутствия духа в подобных вчерашних обстоятельствах. *Le malheur ne vient jamais seul*¹; буду ждать еще парочку.

Вы ненормальны? Вот никогда не сказала бы этого по письму. Что же с вами такое? И тоном, кажется, овладели. Взамен вашего милого обещания — я даю слово не ассомировать² вас письмами ни в каком случае. Если бы в вас мне все стало ясно так же, как в себе — я сделалась бы совсем спокойной, значит и счастливой. Но никогда на небе не было столько облаков.

P.S. Отчего же вы не исполнили Натаино³ желание? Еще есть время: по случаю серьезных семейных несчастий⁴ (я не шучу) мы не уезжаем сегодня.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 14–14 об.

Датируется (весьма предположительно) по упоминанию семейного несчастья: полагаем, что под этим подразумевается помешательство старшей родственницы, о котором идет речь в пп. 20 и 21.

¹ Неприятности никогда не приходят по одной (*фр.*).

² От фр. *assommer* — оглушать, ошеломлять.

³ Н.Н. Гиппиус. Кажется, Червинский был знаком с ней ближе, чем с Татьяной Николаевной. Несколько лет спустя, сообщая А. П. Чехову о своей женитьбе, он писал: «Я женился — тому назад 1 ½ месяца. Жене 19 лет, белого цвета, характера нервного, напоминает Нату Гиппиус» (РГБ. Ф. 331. Карт. 62. Ед. хр. 10. Л. 17).

⁴ Вероятно, имеется в виду госпитализация родственницы, о которой сообщается в п. 21.

21. Начало октября 1893. СПб.

Вы хотите знать мамино¹ несчастье; я немножко запоздала и, может быть, оно вам уже известно. Ольга Васильевна² в день переезда помешалась от любви к хозяину дачи. Несколько дней тому назад ее отправили в больницу св. Николая³. От недельного пребывания с буйной мама и остальные члены семьи (дети были удалены из дому) сделались сами полупомешанными. Особенно мама, в таком состоянии, что мне не хочется об этом говорить. Да и вообще все так плохо, что не стоит распространяться. Я могла бы взять вас с собой в одну из моих почти ежевечерних поездок (маму надо меньше оставлять одну), но, во-первых — я не знаю, как они теперь смотрят на гостей, а главное — и вам самим будет очень там невесело. У каждого так много своих неприятностей, что очень понятно, если всякий старается быть дальше от чужого горя.

Желаю хорошего вашему роману. Мой не ладится. Что значит 22 главы? У меня уже 8 листов⁴.

З. М.

О столоначальнике: если вы с тех пор, как сами назвали себя им — успели дослужиться до помощника министра — я об этом извещена не была⁵.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 25–26 об.

На первом листе помета неизвестным почерком: «ДМК <или DMR> 26». Датируется по связи с п. 22, в котором также упоминается больница Св. Николая.

¹ О матери Гиппиус см. примеч. 1 к п. 13.

² Неизвестное нам лицо. Основываясь на общем отчестве, можно предположить, что речь идет о сестре матери Гиппиус (несколько раз упомянутой в мемуарах последней), но до нахождения новых сведений это обречено оставаться гипотезой.

³ Психиатрическая больница Св. Николая Чудотворца.

⁴ Вероятно, речь идет о романе Червинского «Пустоцвет» (см. примеч. 1 к п. 18) или о произведении, оставшемся в рукописи: по крайней мере, среди его опубликованной прозы нет других текстов, объемом превышающих двадцать две главы. Гиппиус скорее всего говорит о своем романе «Без талисмана» (см. примеч. 3 к п. 22).

⁵ С 1889 по 1895 г. Червинский занимал разные должности при прокуроре петербургского Окружного суда и Первого Департамента Министерства юстиции [16].

22. 8 октября 1893. СПб.

8 окт.

Имею честь пригласить вас на фестиваль¹. Супруг присоединяется к моей просьбе. Несколько необходимых слов: каждый раз, вспоминая о «славном Червинском», (простите фамильярную откровенность) я должна сделать великое усилие, чтобы вспомнить о наших недоразумениях. Уверены ли вы, что они действительно были? Не есть ли это главное недоразумение? Таковы мои мысли, искренность и логичность коих подтвердит вам ваше писательское чутье. И если ваши тождественны — ничто не мешает нам с вами взять старинный train², который всегда служил к общему удовольствию и один приличествовал нам как нельзя больше. Заходите и без фестиваля: я прочту вам главу моего романа³, которая... странно напоминает главу вашего. Я открыла это вчера и даже несколько обеспокоилась.

В собрании у нас найдете перемену. Состоится оно 14-го, в четверг.

При встрече с мамой⁴, сделайте одолжение, молчите о больнице Николая⁵. Мама и без того мучается, что больница отвратительна, а частные и вообще все другие — не по средствам.

Отчего вы так перфидно⁶ не познакомили Перцова с Дм. С-чем, спрашивает сей последний?⁷

Зин. М.

P.S. Кто же вы наконец? Не скромничайте, скажите⁸. Не слишком ли чин ваш важен для нашего скромного фестиваля?

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 8–9 об.

Год проставлен, исходя из того, что только в этом году в первой половине 1890-х 14 октября падало на четверг.

¹ Подробности предстоящего мероприятия нам неизвестны. Приглашая на тот же день недатированным письмом П.И. Вейнберга, Гиппиус писала: «Дорогой и единственный Петр Исаевич! Приходите к нам в четверг на той неделе, 14-го числа. Пишу вам нарочно раньше, потому что мои письма часто запаздывают. Пожалуйста, приходите! Во что бы то ни стало, приходите! У нас будет скромнейший из фестивалей» [7, с. 439].

² Вероятно, Гиппиус подразумевает одно из значений французского *train* — «ход», в частности, в выражении «*le train de pensées*» — «ход мысли».

³ Вероятно, Гиппиус говорит о своем первом романе «Без талисмана» (Наблюдатель. 1896. № 5–9).

⁴ Об А.В. Гиппиус см. примеч. 1 к п. 13.

⁵ Гиппиус хочет удержать Червинского от соображений по поводу психиатрической больницы святого Николая Чудотворца, куда была помещена родственница по имени Ольга Васильевна (см. п. 21).

⁶ Регулярно встречающееся у Гиппиус слово, означающее «вероломно, коварно».

⁷ Весьма судьбоносная встреча Мережковских с Петром Петровичем Перцовым (1868–1947) случилась вечером этого же дня. В переписке они состояли с 1890 г. (см.: [13, с. 64–65]); в 1892 г. Перцов был среди слушателей его знаменитых лекций «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». 7 октября 1893 г. получив от Перцова письмо на пяти листах (оно не сохранилось), Мережковский назначал ему встречу: «Может быть, Вы завтра в пятницу будете свободны между 7 и 10 часами вечера, приходите ко мне, Вы должны знать и чувствовать, что я буду Вам рад» [14, с. 159]. «Наше свидание было свиданием двух нашедших друг друга друзей...», — вспоминал позже Перцов [13, с. 94]. С Червинским Перцов был уже к этому времени знаком по журфиксам А.М. Скабичевского [13, с. 79].

⁸ Гиппиус продолжает шутку, начатую в п. 21, требуя у Червинского подробностей его карьерного роста.

23. 9 октября 1893 ?. СПб.

Суббота.

Булька¹ укусила больную родственницу за ногу, родственница испугалась, обиделась, (чуть не случилось серьезное несчастье, после которого пришлось бы дезинфицировать квартиру ведром *grabapp'l'a²*) — и уехала, сию минуту. У нас опять чистота, хотя сердце мое еще не успокоилось. Предлагаю вам пятницу, среду или вторник грядущей недели. Выберите день и дайте знать скорее, чтобы я могла распорядиться остальными днями. Предупреждаю, что во вторник я буду думать по-итальянски, в среду по-английски (у меня англичанин³), а я пятницу опять по-итальянски. Избирайте, что угодно. В 9 ½ все равно уходят. В четверг, должна признаться, у нас фестиваль⁴. Я бы не решилась отнять у вас еще лишний вечер,

но, к сожалению, роман необходимо читать наедине!⁵ Делать нечего, вам придется покориться.

3.

Нельзя ли написать сразу на двух листах?

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 42.

Датируется условно, на основании гипотезы, высказанной в примеч. 4. Если она ошибочна, то в любом случае, вероятно, письмо относится к осени 1893 г.

¹ Собака. Гиппиус вспоминала о ней: «Как-то очень скоро после нашего приезда в СПб, еще зимой, Д. вдруг вернулся с прогулки неожиданно и закричал из передней: “Зина, мопс!” Я выбежала и увидела крошечного черно-серого щенка, на руках продавца. Заплатили мы за него 3 рубля, и эта собачка — Буленька оказалась нашим товарищем потом лет десять. Она была очень породистая, злая, и решительно никого не признавала, кроме Д. и меня. Нас она зато обожала, не позволяя никому к нам и близко подойти. Мы, я и Д., тоже ее любили» [3, т. 16, с. 66]. Появилась она не позже 1890 г., поскольку упоминается в поэме Мережковского «Семейная идиллия» («А Булька серая, любимый мопс, меж нами / В тревоге бегает, как между двух огней»).

² Популярные духи российско-французской фирмы А. Ралле.

³ Нам известна англичанка, обучавшая Гиппиус языку (и рекомендованная ей Минским), г-жа Краун, но о ком идет речь здесь, неясно.

⁴ Не исключено, что это тот же фестиваль 14 октября 1893 г., о котором идет речь в п. 22 (в котором также упоминается чтение романа).

⁵ См. примеч. 3 к п. 22.

24. 28 декабря 1893. СПб.

Вторник.

Елка у меня, по обычаю прошлых лет, будет в субботу, 1-го января. Если вы свободны — приходите (7 ч.). Да если и не свободны — это вам не помешает, елка кончается рано, и Тага-Ната уйдут от меня, верно, в тот самый час, когда начинаются петербургские журфиксы и другие удовольствия. Вы можете прийти спокойно¹. А я вам всегда рада, Федор Алексеевич.

Зин. Мереж.

Пусть новый год будет для вас таким же счастливым и веселым, как этот старый. Примите мое пожелание.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 43–44.

1 января падало на субботу из всех биографически возможных годов только в 1894.

¹ Судя по п. 26, этот визит состоялся.

25. 1891–1893 ?. СПб.

Нет ли у вас грамматики Нурока?¹

Очень была бы ей рада — или, вернее, сообщению — есть или нет.

З. Г.

P.S. А если в пятницу вам точно предстоит «казнь» (вы так выразились), то ведь можно и не приходиться. Неужели я в самом деле палач? Право, я очень серьезно решила гармонизировать наши желания, а вы вот все этому не верите.

Так что если «казнь» — я вас милую, а если вам интересно — пожалуйста.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 17.

¹ Одно из изданий «Практической грамматики английского языка», составленной Павлом Мартыновичем Нуроком (1827–1888).

26. 1 января 1894. СПб.

1 января, 94.

Конечно, одному из нас было «неприятно». Кому — история умалчивает, как умалчивает о многом. Но скучно старое. Только вы, я надеюсь, не забудете, что сами завели ёлочный разговор? Иначе я, верно, не обеспокоила бы вас. И жаль еще, что вы так нелюбезны и не извещаете раньше, благоприятствуют ли обстоятельства.

Дм. Серг. просит меня передать вам приглашение гостем в Шекспировский кружок, у нас, на свой реферат 5-го января, в среду¹. Если вам интересно и не страшно после веселья окунуться в нашу сравнительную серьезность — приходите.

Дети поручили мне спросить, когда же будет Энрольд?²

Исполнив свои миссии, остаюсь, с желанием вам успехов

Зин. Мережковская.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 5–5 об.

¹ Шекспировский кружок возник в Санкт-Петербурге в 1874 г.; см.: [20, с. 262–263]. Гиппиус упоминает его в мемуарах: «Я в это время писала уже везде, бывала и в Литер<атурном> о<бществ>е и даже в еще более закрытом “Шекспировском кружке”, членами которого состояли, или должны были состоять, только

литературные критики. Но большинство там были известные адвокаты, как кн. Урусов, часто приезжавший из Москвы, Спасович и другие. Впрочем, был там и старый, ныне забытый, романист Боборыкин. Там Урусов, помню, сделал первый доклад о Нитше, тогда в России еще малоизвестном» [3, т. 16, с. 75]. Какой реферат читал Мережковский 5 января, мы не знаем.

2 Чиновник особой канцелярии по кредитной части Сергей Федорович Энрольд (1862–1900). Подробности его отношений с Червинским и Мережковскими нам неизвестны. Дети — очевидно, Т.Н. и Н.Н. Гиппиус.

27. 1894 ?. СПб.

Если бы я, сверх ожидания, не получила от вас этой записки — я сама послала бы вам сказать, что не могу ехать сегодня. Последние три дня я провела, почти не вставая, за романом¹, кончила его — и со вчерашнего вечера у меня очень сильно болит голова. Десять минут назад приняла два антипирина² и потому могу думать и писать эти несколько слов с надлежащей ясностью. Хотя, собственно, что писать? Теперь, я вижу, вы правы, понять друг друга трудно и, главное, незачем. И без красноречия я поверила всему, что вы написали, тому, что «любили» в редкие минуты жалости и т.д., только у Донона³ я никогда не думала, что вы меня ревнуете, я же знала, что вы давно равнодушны; ведь это тогда вы не могли «овладеть тоном». Я не умею победить себя и не верить словам, а в особенности вашим. И самое мучительное для меня — это когда нужно перестать верить одному, чтобы можно было верить другому. Когда два слова несомнимых. Но все равно. Вот главное и, вы увидите, такое же по-сильно-правдивое, как моя тетрадь⁴. В тот вечер, вернее — в ту ночь, когда я вам читала все, что могла — мне вдруг показалось, что между нами растаял тот дурной, непрозрачный лед, который был последнее время. Я на минутку до конца поверила, что вы все можете понять, что вы можете пожалеть, когда мне больно, — и что вы мне так же верите, как и я вам. Я знала, что вы меня не любите, и вы знали, что я вас не люблю — но — понимаете — не могло быть ничего, чего бы я тогда не сделала и не сказала, боялась бы сделать и сказать. Свободно и вольно с вами, — как я хочу, чтоб было свободно. Если бы я не ошибалась тогда, — разве такое чудо хуже любви? Я думала, что я могу быть вам нужна, потому что и у меня и у вас — души с двойными днами, и вместе будет легче жить. Когда первое счастье от этих мыслей прошло — явились другие мысли и тихонько привели меня к жизненной правде, то есть — что мое воображение болезненно, что меня тревожат призраки, которые напрасно отнимают у меня силу,

нужную на другое. Я дошла даже до мелочей в своем угадывании: я была уверена, что сегодня утром, именно сегодня — получу от вас такую записку, какую получила. Не хочу спорить, быть может — это случайность. Пусть будет как есть. Я знаю, что будь я в вашей комнате, вот теперь, когда вы читаете мое письмо — вы бы сказали, что вам скучно читать такое длинное письмо. Если это правда — простите. Но вздор и рабство упрекать себя в излишней правдивости, называть «позором» и стыдиться чего-нибудь не потому, что чувствуешь, а только потому, что это сказано. Я знаю, знаю, что позорнее лжи нет ничего. Поэтому я не раскаиваюсь в этом письме — и в том, что прочла вам свою тетрадь. Тем, что прочла — я вам дала много мне дорогого; и думала потом, что может быть какое-то равновесие. Теперь я вам прощаю все, что дала и хочу примириться с тем, что ничего не получила взамен. Поймите меня, как вы умели понимать в тот вечер, а не так, как я боялась бы всяким быть понятой. Голова опять болит у меня. Спешу окончить. Завидую вам, вы верите себе больше, чем другим и умеете быть одиноким. Я буду стараться так же. Я никогда в прошлом году не доверяла вам, как в тот вечер. Я не знаю, что труднее терять, веру или любовь. Если вы такой, как мне показалось, есть на свете — вы поймете, как я это пишу, а если не такой, то мне все равно, что вы подумаете.

Зина.

Простите, едва вижу бумагу, ложусь в постель.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 40–41 об.

Условно датируется по содержанию: из письма следует, что написано оно на следующий год после разрыва («никогда в прошлом году не доверяла вам, как в тот вечер»).

¹ Вероятно, речь о романе «Без талисмана» (см. примеч. 3 к п. 22).

² Жаропонижающее и обезболивающее средство.

³ См. примеч. 2 к п. 4.

⁴ Судя по характеру упоминаний, речь идет о тетради любовных историй «Copies d'amour», где упоминается и Червинский (см. примеч. 6 к вступительной статье).

28. 4 января 1895. СПб.

4 января, 95.

Федор Алексеевич!

Я только что узнала о «Каждом Семнадцатом Месяце»¹. Сознаюсь, мне немножко больно, потому что подробности нашего разговора для меня были дороже, чем для вас — но все-таки не думайте,

это не упрек. Я просто хочу попросить вас — если еще есть время и если мое последнее письмо сохранилось у вас (я и тогда выразила желание, чтобы вы не шутили над ним) — пожалуйста, не показывайте его другим и не говорите о нем. Конечно, это только просьба, вы в полном праве поступать, как захочется в данную минуту; но может быть просьба моя будет иметь значение хотя <sic> теперь, когда вы знаете, что в отношении вас я права даже перед строгим судом внутренней красоты.

Более ничего.

Зин. Мережк.

<Притиска:> Собиралась запечатать письмо, когда муж сообщил мне, к моему удивлению, что в четверг вы не придете². К удивлению — ибо я не знала, чтобы вас звали.

РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1–1 об.

¹ О чем идет речь — неясно.

² О вечере у Мережковских в ближайший четверг, 5 января, на следующий день после этого письма, сведений у нас нет, равно как и уверенности в том, что он состоялся. Вероятнее, имеется в виду вечер 12 января, о котором, напротив, кое-что известно: «Вечер у Мережковских. Обращение к бюсту Грибоедова очень» тепло. Венгерова защищает «Тени» Сологуба и видит в них символизм. Родственник З.Н. Гиппиус. Красивый Философов. Лохматый Ясинский (М. Белинский). Стройный С.А. Андреевский. <...> Д.С. прочел главу (арена) из «Юлиана» (дневниковая запись А.В. Половцова от этого же дня // РНБ. Ф. 601. Ед. хр. 99. Л. 69).

29. 7 января 1895. СПб.

7 января, 95.

Как вам угодно. Только имея корректную привычку всегда отвечать на все — я оставляю за собой последнее слово о злосчастных инцидентах. Да кстати уж разьясню «таинственное»... как выразились вы. Моя торжественность происходила от одного неумного (сознаюсь) убеждения, имеющего пагубное влияние на мою «карьеру»: я думала, что искренность всесильна. Остальное понятно.

Ч<ернави>ну¹ я видела в С<еверном> В<естнике> — и вовсе не подошла к ней, не имея понятия о размере и сущности сплетни. Никакого человека, хорошо знающего Ч<ернави>ну, я не встречала, след<овательно> и писем ему цитировать не могла. А знаете, тому, кто эти цитаты слышал — весьма нужно бы раньше и хорошо быть

знакомому с теми же письмами, чтобы угадать, от кого и кому они! Так что я моей единственной фразой: «звезды ваших глаз зажгут иллюминации» — никому не открыла Америки.

Напрасно не пояснили К.С.М.² Не все ли равно, если вы заранее знали, что быстрая особа получит приблизительные разъяснения от М<инско>го? Не могу этого проверить, ибо с М<инским> не общаюсь, но основываясь на ваших словах, что это более, чем возможно. «Невежливым» замечанием я хотела сказать, что от меня М<инский> ничего о лампе не знал.

Не забывайте же мудрого совета и никогда не обманывайте себя (если и захочется), что искренность всесильна. Опыт жизни говорит — нет.

А засим — как угодно, говорить так говорить по новому, молчать — так молчать. Будьте уверены, что я имени вашего не произнесу и никаких изысканий делать не стану. Ежели вы думаете, что я на что-нибудь гожусь, кроме предательства — возможны в будущем новые разговоры, а если петербургские доброжелатели (в соединении с моими легкими ошибками и дурным случаем) достаточно выяснили перед вами мою личность — и ваша пронизательная душа видит во всем этом больше правды и красоты, чем в моих словах — остается умолкнуть и ждать... разве страшного суда, где нас всех обещают рассудить с большой справедливостью. Позволяю себе припомнить фразу вашего старого письма: «все, как вы хотите».

Зин. Гиппиус.

РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 2–3 об.

¹ О Чернавиной, т.е. Л.И. Веселитской-Микулич, см. примеч. 4 к п. 14. Сюжет этот будет иметь продолжение в п. 30. В «Северном вестнике» она печатала, в частности, повесть «Зарницы» (1894. № 1–4).

² Почти наверняка речь идет о том же непонятном «Каждом Семнадцатом Месяце», что и в п. 28.

30. Январь 1895. СПб.

Федор Алексеевич, я хочу, чтобы вы меня выслушали. Я не думала писать вам больше, но ваше письмо вызывает меня на правду, на слова, которых я никогда не хотела произносить. Я отвечу вам так же ясно на каждое положение вашего письма, с тою же определенностью, с какою говорили вы. Начнем не с самого начала — начнем со сказки¹. Я не умею писать то, что думаю, у меня просто нет таланта. Я писала эту

сказку весной, той далекой весной, когда вы бросили меня, не жалея, отдали такую, как я, беспомощную и преданную вам бесконечно — всем оскорблениям жизни². Я страдала тогда так, как я не желаю, чтобы страдали вы. Вы мне сделали всю боль, какую могли и все-таки я писала эту сказку, и стихи³ — как молилась. Может быть — горечь проскользнула в ней... но она просто плоха, я не сумела ничего сказать... Помню, я надеялась тогда сказать такое, чтобы убедить вас, вернуть вас, потому что я не представляла себе жизни и красоты в моей жизни — без вас. В Луге, я помню, я хотела несколько раз дать вам эту сказку — и не посмела, потому что ведь вы помните, что было в Луге...⁴ Потом я оторвалась от этой сказки — не перечитывала ее год — и все-таки искренно думала, что она не может как-нибудь дурно подействовать на вас. Этой сказкой я как бы отбрасывала все дурное, внешнее от вас, я вызывала вас на истину, я хотела умолять вас: скажите, скажите мне внутреннюю причину всего этого, пусть даже извне это не напоминает пошлое, обыкновенное... Я не могу и не хочу рассказывать, до какой степени тяжело мне было... другому трудно понять. Вот я упомянула, что не могла представить себе, как буду жить дальше без вас и с той невыносимой тяжестью и темнотой, в которой вы меня покинули; а вы говорите о том, что я считала какое-то ваше остроумие ничтожным и находила вас глупым... Да, вы очень забыли меня. Одна из моих главных слабостей — слишком усердное охранение моего истинного чувства от посторонних ушей. Я говорила о вас дурно и презрительно, потому что вы мне были слишком дороги. Я говорила с отчаянием, со злобой на себя — потому что я очень хотела измениться к вам, пока не поняла, что не нужно этого хотеть. Если вы психолог — вы поймете и эпизод с лампой (Минский не мог говорить вам это — Минский ничего не знал) и многое другое, переданное вам услужливыми сплетниками в уродливом виде⁵. О Чернавиной. Вы верите, что я люблю свою мать? Вам не покажется риторикой, если я ее жизнью поклянусь, что не говорила ничего никаким неблизким людям о том, что было сказано вами мне? Кажется — я говорила о ее сказке⁶. Помните рукопись, которую вы мне давали? Об этой сказке я говорила. Изю всех сил стараюсь вспомнить, что еще я говорила о ней и о вас. Кажется — приводила фразу из ее письма без имен совершенно, судила ее с литературной точки зрения, с кем говорила — не помню. Вот все. Не будете верить — что ж я могу еще сделать для этого? А фразы из писем и вы приводили раньше, и без всяких вторичных настроений. Теперь последнее — то, что вы сделали весной. Моя душа перед вами — точно без покровов: пыль, сор, самое малейшее, почти невидимое — царапает и рвет ее, а я, желая снять

соринку, раскрываю рану и умираю от нее, потому что не умею не страдать. Вы знаете — и я знаю, что я глубоко больна и, вероятно, умру. Я говорю это просто, совсем просто, мне кажется — я привыкла... Но об этом страшно говорить, потому что вы можете не понять, как я это говорю — и тогда будет нехорошо. Но вы меня видели — значит, подробностей не нужно. Я упоминаю об этом только для пояснения моей психологии. Тогда, прошлой весной, я узнала, почувствовала это в первый раз с необычной остротой. Я не была очень испугана, но я сильно взволновалась. Ведь это все-таки очень важно для меня. Прошлая зима — сплошной кошмар, незаметный и неинтересный ни для кого, кроме меня — сделала меня бессильной, жалкой почти не мной. Сердце мое ныло и я, без расчета, без соображений — хотела успокоить его, думая что в этом последнем слове вы мне не откажете. Я готова была крикнуть вам: ведь я человек! Ведь у меня больше сил нет против этой несправедливости! У вас есть жалость, у вас есть совесть: я ничего не хочу от вас, кроме одного дружеского слова... У вас нет его — обманите — но скажите, ведь я — вам когда-то близкий человек, ведь я все-таки ваш брат и равный... Равный ли? Не знаю. Все равно. Вы мне отказали в едином слове утешения — и сделали это так... неосторожно... Как будто со мной нужна резкость, чтобы ранить меня, как будто недостаточно вашего полунамека, чтобы уязвить мою душу, не приспособленную к оскорблениям жизни? Я помню ваше письмо, точно я сейчас получила его.

Друг мой (простите это слово), я могу смело смотреть вам в глаза — и я смотрю без стыда и без надежды, я, такая вам теперь ненужная и неинтересная, непохожая на всех, вас окружающих. Повторять ли, что я ничего не хочу от вас и ничего не жду — даже ответа на мое письмо?

Тогда, после, когда со мной что-нибудь случится — вы вспомните об этом письме, хорошо? А теперь только одно: не шутите над ним.

Да, я отношусь к вам глубоко и неизменно — и я имею право это сказать — мне было так больно... Помните, я искала чуда? Что, если чудо было во мне? Но как оно мне дорого стоит.

3.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 29–32.

Датируется по явной связи с п. 29 от 7 января 1895 г., которое, вероятно, предшествует этому: в обоих упоминается история с лампой (нам неизвестная) и обиды «Чернавиной», т.е. Л.И. Веселитской-Микиulich (см. примеч. 4 к п. 14).

¹ Вероятно, речь идет о сказке Гиппиус «Время» (единственное известное нам ее выступление в этом жанре). В 1894 г. она писала Н.М. Минскому: «Будет очень

мило, если вы в СПб. купите в редакции Новостей №№ 83 и 84 Русской Жизни и привезете. Там напечатана моя сказка. Я ее очень хотела бы видеть, сама купить не соберусь — и даже черновой не имею. Интересно потому, что написав год тому назад, — и с тех пор не перечитывала. Это не conte d'amour. Мало помню, кому там достается. Вообще — не современно. Мимо, мимо!» (письмо от 13 июля 1894 г. [7, с. 299]). Между тем, в указанных номерах публикаций Гиппиус нет — и вообще сказка эта, похоже, впервые напечатана в составе ее первого сборника: *Гиппиус-Мережковская З.Н.* Новые люди. СПб., 1896. С. 327–358. Очевидна связь ее сюжета с несколькими любовными историями Гиппиус, в том числе и с той, что развивалась при участии адресата письма (см. вступительную статью).

² Т. е. весной 1893 года, когда Червинский после решительного объяснения 17 марта уехал в Венецию (где, между прочим, побывала и принцесса, героиня сказки). В Венецию же отправляется и там умирает героиня романа Червинского «Пустоцвет», отчасти списанная с Гиппиус (см.: Ежемесячное приложение к журналу «Живописное обозрение». 1900. № 4. С. 99, 116–120).

³ В той же дневниковой записи, где Гиппиус фиксирует состоявшийся разрыв с Червинским, она записывает знаменитую в будущем «Песню» («Окошко мое высоко над землею...») — один из ключевых текстов русского символизма.

⁴ Приезд Червинского на дачу в Лугу летом 1893 г. Гиппиус описывает в дневнике: «Зачем Червинский приехал к нам в Лугу? К маме? Но он мог бы подождать до осени. Не знаю.

Приехал в день нашего (меня и Дмитрия Сергеевича) отъезда по делам в СПб.

Я все-таки волновалась, укладывая чемоданчик. Цвела сирень, я чувствовала себя хорошенькой и свежей и думала: “А ведь он любит меня еще!” Я приходила и уходила, звеня ключами. Он сидел в столовой, черный, расплывший, бритый...» [3, т. 8, с. 36].

⁵ Эпизод с лампой нам неизвестен.

⁶ Речь об уже упоминавшейся выше (см. примеч. 4 к п. 14) Л.И. Веселитской-Микулич, фамилия которой по мужу (с которым она, впрочем, рассталась еще в 1887 г.) была Чернавина. О какой ее сказке идет речь, нам неизвестно.

31. 7 февраля 1895. СПб.

7 февраля, 95.

Федор Алексеевич!

Я только что получила записку от баронессы¹ (с которой вы так демонстративно порвали), где она извещает нас о чтении Вл. Соловьева у нее, в четверг². Поэтому наш четверг откладывается до следующей недели, 16-го февраля. Пожалуйста, приходите, я буду рада. И не забудьте — я напишу только в случае отмены.

Вы обещали дать мне ваш роман: это было бы очень хорошо³. Между прочим — свойство нашего друга Флексера — легко поддаваться гипнозу — т.е. чужому мнению о художественных вещах⁴. Каждый мало-мальски понимающий человек, его взгляд — имеют

значение. И чем больше будут говорить о вашем романе — тем несомненное его появление на страницах Сев<ерного> Вестника. Но все это — мимоходом. А главное — я хотела бы для себя прочесть вещь, начало и облик которой мне помнится с такого давнего времени.

Зина Мережк.

Не забывайте о Статуе⁵.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 27–27 об.

¹ О баронессе см. примеч. 2 к п. 31.

² Одно из немногих материальных свидетельств отношений В.И. Икскуль фон Гильдебрандт с Владимиром Сергеевичем Соловьевым (1853–1900) см. в работе: [5]. См. также упоминание в воспоминаниях Гиппиус о встречах с Соловьевым в доме Икскуль [3, т. 13, с. 409–410].

³ Вероятно, имеется в виду тот же «Пустоцвете» Червинского (см. примеч. 1 к п. 18).

⁴ Флексер — Аким Львович Вольнский (1861 или 1863–1927), переживавший в эти месяцы бурный роман с Гиппиус. Он действительно, как прямо сообщает далее Гиппиус, оказывал решающее влияние на политику журнала «Северный вестник», но даже ее протекция (если она и состоялась) не помогла роману Червинского там появиться.

⁵ О чем идет речь — неясно.

32. Лето или осень 1895 ?. СПб

Федор Алексеевич!

Ваша фраза о том, что я хочу поссорить Вас и А. Л. Флексера¹ — была мне очень неприятна, и я хотела бы, чтобы Вы взяли ее назад. В данное время и при некоторых данных обстоятельствах (Вам, правда, неизвестных) я не желала бы слышать подобную фразу даже в шуточной форме. Вы знаете, что несмотря на Ваше несправедливое и некрасивое отношение ко мне, даже несмотря на последний неожиданный поступок Ваш против меня весной (не стану и вспоминать о нем, жалея Вас: ведь мое дело идет к определенному концу — и я боюсь, что после это воспоминание будет тревожить Вас во время бессонницы) — несмотря на все — я отношусь к Вам искренно, глубоко и доброжелательно.

Я ничего не хочу от Вас и, видите, делаю Вам теперь самое приятное, что могу — не напоминаю о себе. Ваша психология, хотя вы говорили достаточное количество ясных, грубоватых и неискренних слов, Ваша неровная, странная «веселая злость»² — останутся для меня навсегда непонятыми — но и Бог с ними. Я не пытаюсь восстановить правду между нами, это безнадежно. Я прошу

Вас только взять назад Вашу шутку о ссоре — она имеет для меня большое внутреннее значение.

А вот маленькая поправка, ни на что не нужная: когда Вы ушли — я спросила А. Л. опять о Вашем романе при лицах, слышавших только что и Ваши слова: и Флексер опять, и даже с некоторым удивлением, повторил, что он сказал только об отсутствии «принципиальных препятствий» — и ни о чем больше. Эта поправка — ненужная во-первых потому, что я-то не сомневаюсь относительно принятия Вашего романа, а во-вторых — ведь я знала, что Вы шутите... Вы все шутите....

Жму Вашу руку.

З.Н.М.

РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 235. Л. 3–4.

Датируется условно по содержанию: вероятно, письмо это продолжает тему публикации романа Червинского в «Северном вестнике», начатую в письме от 7 февраля 1895 г. Если так — «неизвестные обстоятельства» — это роман Гиппиус с Флексером (Волинским), развивавшийся в 1895 г.

¹ См. примеч. 4 к п. 31.

² Если это не отсылка к прежним разговорам корреспондентов, то можно предположить, что выражение взято из романа Я.П. Полонского «Дешевый город», заведомо известного Гиппиус (см.: *Полонский Я.П.* Полн. собр. соч. СПб., 1886. Т. 7. С. 342).

33. 26 декабря 1900. СПб.

Федор Алексеевич,

вы совсем презрели ваших «коллег» и литературу. Согласно, что ни первые, ни вторая особенного блеска теперь не имеют, но и прежде его в литературе не было, однако же имели вы к ней «причастие». Может быть зайдете к нам как-нибудь между 4-7 дня?

Очень хотелось бы поговорить с вами об Энрольде, смерть которого всех нас очень поразила¹. Вот человек, казалось бы менее всего способный на такую серьезную вещь, как смерть!

Всего хорошего.

З. Мережковская.

Так как я очень занята, то мне лучше знать день, когда вы зайдете. Скажем — в ближайшую субботу, 30-го. Если вы несвободны — то известите и назначьте другой день.

Литейный, 24, кв. 33.

26 дек. 1900.

СПб.

РГАЛИ. Ф. 1193. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 28–28 об.

¹ С.Ф. Энрольд (см. примеч. 2 к п. 26) умер 11 декабря 1900 г. Сообщение об этом («жена и сестры с душевным прискорбием извещают родных и знакомых о кончине их незабвенного мужа и брата») появилось на странице некрологов в «Новом времени» (1900. № 8908. 13 декабря. С. 1).

Литература

1. *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.
2. *Венгеров С.А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб.: Типо-литогр. И. Ефрона, 1892. Т. 3. 27 + 444 с.
3. *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений: в 16 т. / сост. Т.Ф. Прокопов, А.Н. Николокин. М.: Дмитрий Сечин, 2001–2019.
4. Зинаида Гиппиус. Письма к Любви Гуревич / публ. М.М. Павловой // Русская литература. 2010. № 2. С. 125–128.
5. *Котрелев Н.В.* Из неизданного и несобранного Владимира Соловьева: Дарственная надпись баронессе В.И. Икскуль фон Гильденбандт и авторские маргиналии на книге «Стихотворения» (1891) // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М.: Трутень, 2014. С. 169–177.
6. *Лавров А.В.* Тексты и комментарии. Из материалов к истории русской литературы первой трети XX века. СПб.: Нестор-История, 2018. 528 с.
7. Литературное наследство. М.: Наука, 2018. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус / сост. Н.А. Богомол и М.М. Павлова; отв. редактор О.А. Коростелев. Кн. 1. 896 с.
8. *Мережковский Д.С.* Письма к С.Я. Надсону / предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 174–193.
9. Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века / сост. Т.Н. Ливанова. М.: Советский композитор, 1967. Вып. IV: 1851–1860. Ч. 1. 212 с.
10. *Мурзанов Н.А.* Словарь русских сенаторов 1711–1917 гг. Материалы для биографий / под ред. Д.Н. Шилова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 735 с.
11. *Набокина О., Носков А.* Луга и окрестности. Из истории населенных мест Лужского района. М.; СПб.: Центрполиграф, 2015. 637 с.
12. *Опель В.А.* Мое жизнеописание. СПб.: Издат. дом СПбМАПО, 2003. 447 с.
13. *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 / сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 496 с.
14. Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / публ. М.Ю. Кореновой // Русская литература. 1991. № 2. 156–181.
15. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Рос. энциклопедия; Фанит, 1994. Т. 3: К–М. 592 с.
16. *Сапожков С.В.*, при участии *Гучкова С.М.* Червинский Федор Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб.: Большая Рос. энциклопедия; Нестор, 2019. Т. 6: С–Ч. С. 612–615.

17. *Соболев А.Л., Тименчик Р.Д.* Венеция в русской поэзии. 1888–1972. Опыт антологии. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 1104 с.
18. *Троицкий В.М.* Очерки семейной хроники. Тула: Гриф и К., 2005. 720 с.
19. *Ф.И. Тютчев.* Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818–1973 / сост. И.А. Королева, А.А. Николаев. М.: Книга, 1978. 264 с.
20. *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 440 с.
21. *Юдина И.М.* Рукописи и переписка В.Г. Короленко. Научное описание // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1970 г. Л.: Наука, 1971. С. 3–107.

Research Article and Publication of Archival Documents

Z.N. Gippius's letters to F.A. Chervinsky

© 2021, Alexander L. Sobolev

Moscow, Russia

Abstract: The publication introduces 33 letters of the 1890s from Z.N. Gippius to the writer, poet and playwright, St. Petersburg lawyer F.A. Chervinsky. Gippius's short romance with Chervinsky, as happened with her other heartfelt passions, provoked an intense epistolary dialogue, avoiding, however, direct expression and self-reflection of feelings. Gippius's letters are dominated by playing and light coquetry, full of hints and provocations, and the life romance itself is built by her as a tense psychological experiment. Their relationship in 1892–1893 found reflection in the works of both participants — in Gippius's fairy tale “Time” and Chervinsky's story “Sylphide”, typical examples of modernist interrelation of literature and life. At the same time, the letters are interesting for the details of literary events reported in them, for the characteristics of a number of contemporary writers — N. Minsky, D. Merezhkovsky, A.P. Chekhov and other common acquaintances.

Keywords: biography of a writer, literary life, Z. Gippius, D. Merezhkovsky, Modernist life creation, letters, publication of archival documents.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com.

For citation: Sobolev, A.L. “Z.N. Gippius's Letters to F.A. Chervinsky.” *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 61–107. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-61-107>

References

1. Briusov, V. *Dnevnik. Avtobiograficheskaia proza. Pis'ma* [Diaries. Autobiographical prose. Letters]. Moscow, Olma-Press Publ., 2002. 415 p. (In Russ.)
2. Vengerov, S.A. *Kritiko-bibliograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh* [Critical-Bibliographic Dictionary of Russian Writers and Scientists], vol. 3. St. Petersburg, Tipo-litografiia I. Efrona Publ., 1892. 27 + 444 p. (In Russ.)
3. Gippius, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 16 t.* [Collected Works: in 16 vols.], comp. by T.F. Prokopov, A.N. Nikoliukin. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2001–2019. (In Russ.)
4. “Zinaida Gippius. Pis'ma k Liubovi Gurevich” [“Zinaida Gippius. Letters to Lyubov Gurevich”], publ. by M.M. Pavlova. *Russkaia literatura*, no. 2, 2010, pp. 125–128. (In Russ.)
5. Kotrelev, N.V. “Iz neizdannogo i nesobrannogo Vladimira Solov'eva: Darstvennaia nadpis' baronesse V.I. Ikskul' fon Gil'denbandt i avtorskie marginalii na knige ‘Stikhotvoreniia’ (1891)” [“From the Unpublished and Unassembled Works by Vladimir Solovyov: Dedicatory Inscription to Baroness V.I. Uexküll von Güldenband and the Author's Marginalia on the Book ‘Poems’ (1891)”]. *Tikhie pesni. Istoriko-literaturnyi sbornik k 80-letiiu L.M. Turchinskogo* [Quiet Songs. Historical and Literary Collection to the 80th Anniversary of L.M. Turchinsky]. Moscow, Truten' Publ., 2014, pp. 169–177. (In Russ.)
6. Lavrov, A.V. *Teksty i kommentarii. Iz materialov k istorii russkoi literatury pervoi treti XX veka* [Texts and Commentary. From Materials on the History of Russian Literature of the First Third of the 20th Century]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018. 528 p. (In Russ.)
7. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 106: Epistoliarное наследие Z.N. Gippius [Epistolary Heritage of Z.N. Gippius], book 1, comp. by N.A. Bogomolov and M.M. Pavlova, ex. ed. O.A. Korostelev. Moscow, Nauka Publ., 2018. 896 p. (In Russ.)
8. Merezhkovskii, D.S. “Pis'ma k S.Ia. Nadsonu” [“Letters to S.Ya. Nadson”], introd., publ. and comm. by A.V. Lavrov. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 8, 1994, pp. 174–193. (In Russ.)
9. *Muzykal'naia bibliografiia russkoi periodicheskoi pechati XIX veka* [Musical Bibliography of Russian Periodicals of the 19th Century], issue IV: 1851–1860, part 1, comp. by T.N. Livanova. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1967. 212 p. (In Russ.)
10. Murzanov, N.A. *Slovar' russkikh senatorov 1711–1917 gg. Materialy dlia biografii* [Dictionary of Russian Senators 1711–1917 Materials for biographies], ed. by D.N. Shilov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2011. 735 p. (In Russ.)
11. Nabokina, O., Noskov, A. *Luga i okrestnosti. Iz istorii naseleennykh mest Luzhskogo raiona* [Luga and Surroundings. From the History of Luga Region Settlements]. Moscow, St. Petersburg, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 637 p. (In Russ.)
12. Opel', V.A. *Moe zhizneopisanie* [My Life Story]. St. Petersburg, Izdatel'skii dom SPbMAPO Publ., 2003. 447 p. (In Russ.)

13. Pertsov, P.P. *Literaturnye vospominaniia. 1890–1902* [*Literary Memoirs. 1890–1902*], comp., text prep. and comm. by A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 496 p. (In Russ.)

14. “Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P.P. Pertsovu” [“D.S. Merezhkovsky's Letters to P.P. Pertsov”], publ. by M.Iu. Koreneva. *Russkaia literatura*, no. 2, 1991, pp. 156–181. (In Russ.)

15. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 3. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., Fianit Publ., 1994. 592 p. (In Russ.)

16. Sapozhkov, S.V., with the participation of Guchkov, S.M. “Chervinskii Fedor Alekseevich” [“Chervinsky Fedor Alexeyevich”]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*], vol. 6. Moscow, St. Petersburg, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., Nestor Publ., 2019, pp. 612–615. (In Russ.)

17. Sobolev, A.L., Timenchik, R.D. *Venetsiia v russkoi poezii. 1888–1972. Opyt antologii* [*Venice in Russian Poetry. 1888–1972. Attempt of an Anthology*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 1104 p. (In Russ.)

18. Troitskii, V.M. *Ocherki semeinoi khroniki* [*Family Chronicle Essays*]. Tula, Grif i K. Publ., 2005. 720 p. (In Russ.)

19. *F.I. Tiutchev. Bibliograficheskii ukazatel' proizvedenii i literatury o zhizni i deiatel'nosti. 1818–1973* [*F.I. Tyutchev. Bibliographic Index of Works and Literature on His Life and Work. 1818–1973*], comp. by I.A. Koroleva, A.A. Nikolaev. Moscow, Kniga Publ., 1978. 264 p. (In Russ.)

20. Schruba, M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov. Slovar'* [*Literary Associations of Moscow and St. Petersburg in 1890–1917*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

21. Iudina, I.M. “Rukopisi i perepiska V.G. Korolenko. Nauchnoe opisaniie” [“Manuscripts and Correspondence of V.G. Korolenko. Scientific Description”]. *Ezhгодnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1970 g.* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 1970*]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 3–107. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.12.2020
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 18.12.2020
Date of publication: 25.03.2021